

СТРАННЫЕ НАЦИСТЫ ПРОТИВ ВОЖДЯ НАРОДА

Поражение Германии в Первой мировой войне и страшное унижение, которому она затем подверглась со стороны мировых империалистических кругов, вызвало мощное национальное движение в немецком народе, справедливость которого неоспорима. Оно принимало разнообразные формы. Напряжения добавила волна революционных потрясений и установление «советских республик» космополитическими кругами, крушившими национальные идеалы. Тогда в Германии возникали добровольческие корпуса, спортивные союзы и другие военизированные объединения. Многие из них поставили цель возродить свергнутую монархию. Другие пытались на ее месте создать федерацию из автономных провинций /Бавария, Пруссия и др./, вернув Германию в раздробленное состояние, предшествовавшее её объединению Бисмарком во Второй Рейх.

Прямолинейное следование монархической линии также заводило в тупик. Динамическая сила германской монархии иссякла к началу XX века. Империю разъедали демократические процессы. Мировой опыт показал, что судьба монархии в некоторых случаях может не зависеть от тех, кто ее представляет. В спокойные времена она терпит мелкие характеры, но и они могут вредить монархической идее. Поэтому после каждой серии посредственностей должны появляться выдающиеся лица. Западноевропейские династии, давшие трону большое число таких монархов, в конце концов, прекращались. Императорам не обязательно быть гениями, – им достаточно иметь здравый смысл или находить советников с качествами, недостающими самим правителям. Если же монархия какое-то время может существовать и при слабых правителях, то никогда посредственность не может возродить или заново создать исчезнувшую монархию. Когда же она прекращает существование, уступив место республике, то монархическая идея с этого момента полностью является вопросом качества ее носителей. Тогда нельзя защищать идею, не имея в виду конкретного монарха. Без достойного претендента на корону монархическая идея лишь сентиментальное воспоминание, которое не станет действительностью, пока не появится живой будущий монарх.

«Я торжественно заявляю», – писал Гитлер в партийной газете «Фелькишер Беобахтер» в 1929г., – «наша борьба ведется исключительно за интересы немецкого народа. Ни за республику, как форму государства, ни за монархию... Никогда мы не будем готовы реставрировать монархию лишь для того, чтобы посадить на трон Людовика XVIII». Эмигрировавший в Голландию последний

император Германии Вильгельм II также не помышлял о восстановлении монархии, вместе со своим окружением постепенно проникаясь сознанием необратимости перемен в отечестве.

Разнообразие военизированных союзов в Германии размывало ситуацию в другую сторону. Назрела необходимость не в очередном «едином центре», мимолетным существованием которых уже пресытилась Германия, но в организующей силе совершенно иного типа, которая свела бы национальную волю десятков миллионов немцев в стальной кулак, способный уничтожить Веймарскую систему, покончив с наглым диктатом мирового финансового сообщества.

Большую опасность для будущего возрождения Германии представляли сепаратистские движения, набравшие силу в начале 20-х годов. Исторически сложилось так, что рупором сепаратизма периодически выступала Бавария – провинция, в которой вызрела идея национал-социализма, завершившаяся созданием НСДАП. В январе 1919г. Антон Дрекслер и Карл Харрер основали Немецкую рабочую партию /НРП/, членом которой в сентябре стал Адольф Гитлер, сразу же вступивший в конфликт с умеренными основателями партии /в частности, с Харрером (ум. 1926), осуждавшем антисемитизм/.

В феврале 1920г. Дрекслер единолично, но ненадолго возглавил партию. Он был слабым организатором, а главное не имел боевой и ясной программы завоевания власти, что с самого начала стало основным мотивом деятельности Гитлера. Будущий вождь занял в июле 1921г. пост первого председателя НРП, переименованной по его предложению в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию /НСДАП/. Тогда же на массовом митинге Гитлер провозгласил официальную программу /знаменитые «25 пунктов»/. С этого момента он методично убирал со своего пути все препятствия, используя выдающиеся свойства характера – негибаемую волю, организаторский дар, изощренный ум и несравненное мастерство оратора.

В период становления новой партии Гитлер боролся не только с «оппортунистами» в ее рядах, но, прежде всего – с «околопартийными» политиками, блокировавшимися с НСДАП по отдельным вопросам, а также с лидерами соперничавших консервативных групп, названных впоследствии «реакционерами». Этим подчеркивался революционный характер партии, который по обстоятельствам выделялся или затушевывался. Особенную ярость вызывали у Гитлера сепаратисты и сторонники свободной федерации германских земель. Это противоречило главной идее гитлеровского движения – созданию сильного централизованного государства – единственной возможности освободиться от оков «версальской системы».

Опасность исходила тогда от Баварского союза Отто Баллерштедта /1920-21гг./. Пытаясь организовать массовое антипрусское движение, Баллерштедт предлагал построить «Великую Германию» на федеральной основе, отнимая, таким образом, у государства реальную перспективу объединения вокруг Пруссии, обладавшей необходимым политическим и культурным потенциалом, как это было при создании II Рейха в 1871г. Глубоко убежденный в совпадении внутренних планов федерализации страны с усилиями враждебных Германии государств, Гитлер говорил: «Этого нельзя допустить. Лучше большевистская Великая Германия, чем зависящая от французов и чехов Южная Германия». Неприемлемым для национал-социалистов было требование Баллерштедта сделать имперскую конституцию зависящей от голосования отдельных провинций. Намного выше интересов отдельных земель стояло единство германской нации.

Эта позиция подкреплялась идеологически. Один из ведущих деятелей НСДАП Герман Эссер обвинил О. Баллерштедта в «увеличении от решения еврейского вопроса». Партийный бюллетень писал: «Это лежит на совести евреев, баварцев и правительства Вирта-Ратенау, которое с неслыханной беспощадностью подавляет каждое проявление всего немецкого». Постепенно организация Баллерштедта отходила в тень. Ей на смену пришла менее радикальная Баварская народная партия. После 1933г. баварский сепаратизм был полностью подавлен. 30.06. 34г. Отто Баллерштедта застрелили при подавлении путча штурмовиков.

Летом 1921г., одновременно с решением острых политических проблем в НСДАП шла борьба мнений: быть или не быть партии. Она началась переговорами вопреки Гитлеру с некоторыми конкурентами, прежде всего с Немецкой социалистической партией /НСП/ Альфреда Бруннера, призывавшего к объединению всех национально мыслящих социалистов. В свою очередь, сторонники Антона Дрекслера настаивали на политическом союзе «арийцев всех западных стран». Гитлер, не желая жертвовать авторитетом набиравшей силу НСДАП в пользу новых аморфных образований, запретил дискуссии на эту тему. Он потребовал вхождения НСП в свою партию без всякой компенсации. В дальнейшем это требование Гитлер выдвигал всякий раз, когда очередная национальная организация претендовала на место в одном строю с НСДАП. «Без стального руководства», – говорил он, – «партия в короткое время перестанет быть тем, чем она должна быть – национал-социалистической рабочей партией, а не союзом западноевропейского типа».

Позднее /1938/ Гитлер говорил: «Я тогда твердо решил порвать с глупой точкой зрения, что если взять разнородное, собрать его вместе, то из этого может получиться что-то сильное... Я был убежден, что надо порвать с разнородным в пользу единого... Тогда в Германии существовало множество союзов и объединений. Все они объявили себя спасителями народа... Но верно только одно –

должно существовать единственное движение, которое выражает чаяния народа. Только оно может стать победителем». Это убеждение Гитлер пронес через весь «период борьбы» /1919-33г/. Еще в «Майн Кампф» /1923/ он писал: «Величайшая ошибка верить, что сила движения возрастает при объединении с другими, подобными ему. Любой рост таким путем вначале увеличивает видимый размер и поэтому, в глазах поверхностного наблюдателя, – также и силу. Но в действительности движение заражается зародышами внутренней слабости, проявляющейся позднее действенным образом... Никогда не существует двух однородных движений. В противном случае это были бы не два, а одно движение. И неважно, в чем их различие... Согласно законам природы любое развитие есть не присоединение второй, даже не одинаковой структуры, а победа более сильной из них. И только возникающая при этом борьба приводит к росту мощи и силы победителя... Величие движения достигается исключительно мощным развитием его внутренней силы – долгим подъемом к окончательной победе над всеми конкурентами».

История учит, что эти выводы сохраняют силу во все времена и приложимы к любой политической действительности. «Мнение, что объединение слабых групп даст фактор силы, неверно, так как большинство в любом случае будет представлять глупость и трусость» – говорил Гитлер. События подтвердили и это наблюдение. Сильные натуры, разобравшись, оставляли неудачливые организации и переходили к Гитлеру. Так было с лидером Нюрнбергского отделения НСП Юлиусом Штрайхером, а позднее – с «левым» национал-социалистом Йозефом Геббельсом.

В июле 1921г. Гитлер объявил о своем выходе из НСДАП, объяснив это национал-революционным характером партии, как «оружия борьбы против еврейско-интернационального угнетения» немецкого народа, заботящейся о безусловной честности в своих рядах при неуклонном следовании ее основным принципам. Нарушался принцип – не терпеть в своих рядах лицемеров и скрытых врагов и безжалостно гнать их. Гитлер поставил условием возвращения в партию созыв чрезвычайного собрания ее членов и предоставления ему поста первого председателя НСДАП с диктаторскими полномочиями. Другим требованием было создание исполнительного комитета из трех человек для проведения «безжалостной чистки партии от проникших в нее чуждых элементов».

29 июля 553 делегата из 554 /!/ избрали Гитлера председателем НСДАП с диктаторскими полномочиями. Отстраненный от руководства Дрекслер получил пост почетного председателя партии. На этом собрании Герман Эссер впервые назвал Гитлера «наш фюрер». Так было положено начало превращению партии в прообраз будущего государства. Отныне НСДАП организовывалась и управля-

лась в рамках строжайшей военной дисциплины, которая при необходимости смягчалась гибкостью фюрера в тактических вопросах.

Теперь у Гитлера объявились противники другого рода. В лице Альбрехта фон Грэфе /1868-1933/ он встретился с типичным представителем высшего слоя, чопорность и глупость которого в политических вопросах Гитлер всегда подчеркивал. В 1922г. аристократ Грэфе вместе с Р. Вулле создал Немецкую народную партию свободы /DVFP/, которую представлял в рейхстаге с 1922 по 28 год. Чтобы сконцентрировать все силы в Южной Германии, фюрер в 1923г. заключил тактический союз с DVFP, предложив ей доминировать на Севере страны, где НСДАП была запрещена. Но 9 ноября национал-социалисты организовали путч в Баварии с целью захвата власти, после которого Гитлер с рядом соратников был приговорен к тюремному заключению.

По заданию фюрера А. Розенберг пытался в подполье собрать оставшихся без вождя партийцев. Еще до окончания процесса сторонники и члены запрещенной НСДАП объединились в две группы. Одной руководили близкие к Гитлеру Эссер и Штрайхер, другой – «оппортунисты»: Грэфе, генерал Людендорф и Грегор Штрассер. При этом партия Г. фон Грэфе мыслила категориями парламентаризма, слабо понимая национал-социалистические идеи, что стало причиной постоянных конфликтов и расколов, ускоривших ее распад. Стоявшая ближе к «классическому» национал-социализму группа Эссера-Штрайхера, была пассивна. Весной 1924г. самостоятельно действовавшая партия Грэфе на выборах в рейхстаг получила неплохой результат – 32 места. Это привело Гитлера в ярость. Убедившись в неспособности эффективно руководить политическим движением из тюрьмы, он отстранился от руководства НСДАП на срок заключения, отказавшись от всех полномочий. До выхода Гитлера на свободу Людендорф и Грэфе взяли на себя руководство Движением. Но боевой генерал обнаружил отсутствие политического чутья и вместе с амбициозным Грэфе усилил безнадежную монархическую пропаганду.

После досрочного освобождения в декабре 1924г. фюрер заново создал НСДАП /февраль 1925г./. После этого все встало на свои места. Дальновидный расчет и сила воли Гитлера победили. Умолкли фракционные споры и различия мнений по стратегическим вопросам, прекратились личные схватки, часто далекие от идеологии. Теперь для противодействия воле фюрера в глазах почти всех национал-социалистов не было никакого оправдания.

Борьба с Грэфе достигла пика в «Открытом письме» к нему Гитлера /март 1926г./. В Письме вождь партии описал решающий личный вклад в пропаганду и организацию НСДАП. С первых дней, писал Гитлер, он проповедовал необходимость уничтожения классовых противоречий и классовой борьбы, тогда как

Грэфе был членом «чисто классовый» партии. «Я постоянно говорил о необходимости решительной борьбы с марксистским надувательством народа» и твердо требовал завоевания умов интернационально настроенных немецких рабочих в направлении чисто немецких интересов и общности немецкого народа – как единственной предпосылки свободы немцев... Независимо ни от кого, опираясь лишь на собственные возможности и собственную силу, юная НСДАП из небольшой ячейки превратилась в широкое движение», – писал Гитлер. В 1923г. партия насчитывала более ста тысяч членов, но имело немногих вождей. Все руководство НСДАП не пришло из других партий, а поодиночке вышло из широкой народной массы, чтобы в ходе жестокой борьбы добиться права на существование, напоминал фюрер.

В это время движение фон Грэфе страдало от нехватки сторонников, будучи «отщеплением неудовлетворенных вождей правых политических партий» и сборищем отдельных недовольных националистических элементов. Одно лишь пропагандистское использование имени Гитлера привлекло тогда сторонников к Грэфе, сразу после ареста фюрера позаботившегося о слиянии, при котором НСДАП должна была дать массы, а его партия – щедро дать вождей. Гитлер сразу отверг такой союз. «Даже мысль передать мое старое великолепное народное движение в руки парламентской клики вождей в дни моего заключения для меня была так же невыносима, как сама потеря свободы», – писал он. Поэтому Гитлер допустил возможность слияния, лишь когда национал-социализм займет господствующее положение, а новое руководство организации Грэфе «в принудительном порядке вырастет из национал-социалистического корня».

Фон Грэфе, игнорируя запрет фюрера, пытался создать единую организацию на севере и юге, руководимую «рейхсфюрершафтом» – группой лиц без исполнительной власти и твердых организационных основ. Большинство руководителей прежней НСДАП было при этом выброшено из объединения, в котором бушевала более яростная борьба, чем за его пределами, а сам «рейхсфюрершафт», по словам Гитлера, стал «большим прикрытием, под защитой которого любой карлик занимался личными делишками, по большей части, разжиганием вражды». Через два месяца это движение развалилось, а по выходе из тюрьмы фюрер на большом примирительном митинге объединил всё, что «действительно едино в вере и воле». В 1925г. партия провела более 2300 больших собраний и свыше 3,5 тыс. выступлений на митингах. Эта активность резко контрастировала с беспомощностью Грэфе, которого Гитлер упрекал в стремлении обосноваться в Мюнхене, тогда как в его временной берлинской вотчине 350 тыс. коммунистов беспрепятственно и рьяно работали против Германии. Фюрер писал: «Вы – собиратель недовольных и кляузников, прежде всего тех, кто ненавидит дисциплину и поэтому чувствует себя вольготнее в Вашей неразберихе, чем в организации с прочной структурой». Он обвинил Грэфе в собирании политиканов, ко-

торых больше не могут терпеть в других народных движениях и изгоняют отсюда.

В начале 1927г. в НСДАП перешел от Грэфе видный социал-революционер граф Эрнст цу Ревентлов с группой лиц. Вскоре партия Альбрехта фон Грэфе потеряла всякое влияние. В январе следующего года он и Вулле основали «Народный боевой блок», никак не отвечавший своему названию и вскоре сошедший со сцены.

К 1930г. Адольф Гитлер стал признанным трибуном социал-революционного движения, которому ничего не могли противопоставить «всего лишь народники».

В середине 20-х годов фюрер встретил одаренного противника, представлявшего сферу, в которой Гитлер всегда действовал с особой осторожностью и искусством. Он долго не ограничивал действия назначенного в 1925г. гауляйтером Тюрингии Артура Динтера /1874-1948/. До конца 1928г., когда его исключили из партии, Динтер пытался внести в политическое движение Гитлера самостоятельные религиозные идеи. Его биография типична для лиц, не сумевших совместить гуманитарные наклонности с официальной идеологией партии. Выходец из католической семьи, изучавший философию, автор многих произведений, Динтер еще в 1908г. учредил «Союз немецких драматургов», из которого вскоре был исключен за то, что назвал Союз «инструментом еврейской диктатуры в театре». Под влиянием английского расового философа-германофила Х.-С. Чемберлена он увлекся националистическими идеями и постепенно сближался с НСДАП. Динтер стал одним из самых радикальных антисемитов своего времени. Но радикализм в этом вопросе на уровне идеологии ограничивался идеей вытеснения евреев из сфер государственной и общественной жизни, – оттуда, где они преобладали. Подобное было и в национал-социалистической Германии. Из сохранившихся записей последних бесед Гитлера видно, что он планировал после войны выселить оставшихся в Рейхе евреев за пределы страны.

Артур Динтер придавал своим рассуждениям о еврейском вопросе религиозный характер. В романе-трилогии «Грехи времени», раскупавшемся большими тиражами, он писал: «Народное и религиозно-христианское обновление неразделимы и являются одной целью». Динтер действовал как основатель новой политической религии, главные постулаты которой: Иисус Христос – ариец, христианство следует «избавить от евреев». Это по видимости соответствовало программным положениям НСДАП, которая утверждалась на платформе «позитивного» /неиудаизированного/ христианства с ударением на арийскую расу и любовь к своему народу. Но руководство партии понимало, что политическое движение не могло стать новой религией. Поэтому оставался открытым вопрос:

нужна ли немецкому народу христианская Реформация. Даже явные «неоязычники» – Розенберг и Борман отложили решение этой проблемы на послевоенный период. Динтер же придавал идеалу «религиозной революции» гораздо большее значение, чем реальным политическим переменам. Он не занимался планомерной организаторской работой в своем гау и не обрел популярности среди населения, большая часть которого до падения Рейха принадлежало к католической или протестантской общинам. Партийных функционеров также не устраивало «псевдорелигиозное сектанство» Динтера. К тому же своеобразный гауляйтер, не желая отойти от круга руководителей народников, постоянно лавировал между НСДАП и организацией фон Грэфе, в которой начал политическую карьеру.

Артур Динтер

Гитлер продолжал прикрывать Динтера, намереваясь до конца использовать его интеллектуальный потенциал. Гауляйтер тем временем основал «Немецкую народную церковь», заложив в основу «чистое, изначальное арийско-героическое учение Иисуса Христа», отвергавшее веру в Ветхий Завет, /подобные взгляды разделял Вильгельм II, призывавший Церковь стать «национально-немецкой, а не псевдоиудейской, как сейчас»/.

Религиозные искания Динтера вызвали, наконец, гнев Гитлера, который в отличие от части высокопоставленных партийцев, никогда не выходил из католической церкви, до конца жизни перечисляя в нее налог. Многие национал-социалисты называли себя «верующими в Бога» и не отрицали христианские догматы. В речах Гитлер часто говорил о «провидении», «всемогущем нашем Господе Боге» и цитировал, главным образом, из Евангелия от Иоанна и католического молитвенника. Он высоко ценил культурное наследие христианства, /шедевры религиозного вдохновения создавали композиторы, художники и зодчие Германии/.

Однако все попытки придать национал-социалистическому мировоззрению религиозный характер своевременно пресекались фюрером, даже если исходили от Розенберга или Гимmlера. Он не разделял и языческие восторги рейхсфюрера СС, силами ученых развернувшего поиски древних корней германской веры. – Гитлер указывал на примитивный образ жизни германцев во времена расцвета римской культуры. Он неизменно выступал против всех родов мистицизма внутри партии. Туманные воззрения Альфреда Розенберга, опиравшегося в «Мифе XX века», на мистическое учение Майстера Экхардта были ему чужды. На партийном съезде в 1938г. Гитлер сказал: «Национал-социализм – смелое, действенное учение, основанное на точнейших научных знаниях и их идейных выводах... Потому что оно не культурное движение, а народное политическое учение, выросшее исключительно из знания расовой теории. В его сути нет никакого мистического культа... Научный исследователь, который пытается придать ему мистический налет, не может быть терпим в Движении... Для культовых отправлений нужны не мы, а церковь».

Остается добавить, что НСДАП всегда следовала этой тактике, указанной фюрером, и многочисленные «сведения» о «тайном характере» и «оккультных корнях» национал-социализма, не подтверждены ни одним серьезным исследованием.

Одобрив отделение церкви от государства, и критикуя «политизированных попов», Гитлер пресекал открытую борьбу с Церковью, держа в узде радикальные силы в партии. Разногласия с Церковью он намеревался решить «после окончательной победы» в войне. Задолго до Второй мировой войны фюрер говорил: «В судьбоносной борьбе нашего народа мы не можем отказаться от сил, которые живут в вере».

В концентрированном виде Гитлер обосновал свою религиозную политику в речи перед гауляйтерами /ноябрь 1938г./, упомянув давно отошедшего от дел А. Динтера, /проблема не теряла актуальности/. Он говорил тогда: «Мы даем вам неограниченную свободу в вашем понимании Бога... Одно решено оконча-

тельно: немцами в загробной жизни, возможно, распоряжается церковь... в земной жизни – немецкая нация, действующая через своего вождя. Лишь при условии такого четкого разделения возможна сносная жизнь в переломное время. Мы, национал-социалисты, в самых глубинах сердца верим в Бога... Это гениальное и благороднейшее понятие, которое возвышает людей над зверями... И человечество смиренно склонилось перед убеждением, что перед ним стоит такой всемогущий, такой неслышимый и глубокий, что мы, люди, не в состоянии постичь его. И это хорошо! Потому что это может дать утешение людям в трудные времена, не позволяет поверхностно и высокомерно смотреть на мир, считая, что они – лишь крошечные бациллы на этой земле, – ... могут господствовать над миром и определять законы природы, которые они, в лучшем случае, могут только изучать. Поэтому мы хотим, чтобы наш народ остался смиренным и верящим в Бога. Вот огромное поле деятельности для церквей разных конфессий, им нужно быть только терпимыми друг к другу. Наш народ не для того создан Богом, чтобы быть раздираемым священниками. Следовательно, необходимо обеспечить единство народа с помощью системы руководства. В этом задача НСДАП».

Циркуляром 1927г. Гитлер лишил права называться органом партии одну из газет, нападавшую на религиозные общины и их институты. «Даже с евреями нельзя бороться на религиозной почве, а лишь на национальной и расово-политической», – сказал он. Артур Динтер стал нетерпим на посту гауляйтера из-за регулярных нападков на христианство. В начале 1928г. он основал «Духовно-христианскую общину» с задачей борьбы против Рима, рассматривая гитлеровское движение только как инструмент для завершения «народно-протестантской реформации». В трех журналах Динтер пропагандировал идею приведения немецкого народа к «христианству, очищенному от евреев». После того как специальный комитет НСДАП собрал в областях Германии мнения об еретических устремлениях гауляйтера, Гитлер в письме призвал его к благоразумию, так как Движение ослаблялось религиозными спорами.

Здесь же фюрер высмеял предложение «народного бродячего проповедника» Динтера создать совещательный орган – «партийный сенат», сказав, что «советчики ему не нужны». Впрочем, Гитлер вскоре предоставил возможность провести самостоятельную дискуссию на съезде руководителей, проходившем не в обычной форме заслушивания приказов. Там он молчал, вызвав ощущение никчемности и ущербности съезда, быстро завершившегося при общей сдержанности.

Динтер ответил резкими нападками на фюрера. В октябре 1928г. его исключили из партии. В дальнейшем он развязал яростную публицистическую кампанию против Гитлера. В 1932г. «Союз Динтера» не смог вернуть своего руководителя

в политику. После прихода нацистов к власти Динтер дважды пытался вновь вступить в НСДАП. Гестапо следило за ним и даже арестовало на короткое время. Перед запретом в 1936г. «Немецкая народная церковь» Динтера насчитывала 300 тыс. членов. Его лишили права ораторствовать и заниматься писательской деятельностью. После Второй мировой войны Артур Динтер собрал бывших сторонников своего «Духовного христианства», но умер в 1948г. в забвении.

Весь «период борьбы» Адольф Гитлер был занят отражением нападков политиков разной окраски. Заняв твердую позицию, он приобрел противников в лагерях всех политических направлений – от «народных романтиков» до консерваторов старой школы. Инициированные Гитлером судебные процессы шли один за другим. 27 Февраля 1925г. прошел процесс против д-ра Отто Питтингера /ум.1926/ – основателя «Союза Баварии и Рейха», выступавшего за реставрацию баварской династии Виттельсбахов. Никогда полностью не порывавшего с национал-социалистами Питтингера Гитлер обвинил в распространении клеветы о финансировании его освободительного Движения французами. На суде фюрер искусно связал воедино эти утверждения провинциального сепаратиста с пропагандой английских журналистов и с действиями Красного Интернационала в Центральной Германии. Нелепость нападков О. Питтингера на НСДАП, ведущей активную борьбу против французских оккупантов в Руре, стала очевидной суду, который признал их необоснованность. После суда Гитлер сказал: «Отныне я пойду один по своему пути... Эти трусы!... Конечно с Питтингером и с союзами отечеств! Только собственная партия! Эти мелкие господа, эти графы и генералы – они не хотят ничего делать. Я сделаю всё один».

В апреле 1926г. велся процесс против «еврейской» газеты «Берлинер Тагблатт» Эриха Домбровски. Гитлер утверждал, что он с юных лет борется против антигерманской империи Габсбургов, а его называют «уполномоченным» этой австрийской династии, допустившей насыщение Австрии враждебными немцам народами /чехами, сербами, венграми.../. Он выступает против любой религиозной борьбы внутри партии, а его, ведущего смертельную борьбу со всеми ненемецкими центрами, обвиняют в поддержке движения «Руки прочь от Рима!», как «наемника иезуитов». Ему, трезвеннику, вешают ярлык пьяницы. За этими господами, утверждал Гитлер, стоят «лица из определенной конфессии». Суд приговорил Домбровски к крупному штрафу за клевету.

В июле того же года редактор одной из социал-демократических газет Ойген Фрич также выплатил Гитлеру штраф по суду за клевету о субсидировании НСДАП французами. На суде фюрер опроверг обвинение в том, что за его Движением стоят немецкие промышленники /!/. Этот вопрос до сих пор не нашел твердого решения в «официальной» литературе. Над исследователями довлеет коммуно-либеральная догма о ведущей роли «крупного капитала» в приходе к

власти национал-социалистов. Правда же в том, что инициатива в создании абсолютно нового типа государства на всех этапах принадлежала одному Гитлеру. Всё остальное вторично: меняющаяся тактика, разнообразие фигур, группировавшихся вокруг НСДАП, организация работы на III Рейх крупнейших монополий... То, что Гитлеру не удалось изменить двусмысленную природу финансового капитала, стоявшего за промышленниками, объясняется нехваткой времени в условиях ошибочной войны на два фронта. Процесс шел в верном направлении, и при правильном ведении дел подчинение и этой социальной категории интересам нации было неизбежно.

На процессе против Фрица Гитлер коснулся сходного по мотивам «мошенничества Фейенбаха» в период баварской революции. Этот еврейский журналист был членом руководства «Народного государства Баварии» и личным секретарем /1918-19/ коммунистического диктатора, еврея Курта Эйснера. В 1922г. Фейенбах попал на каторгу за уголовное преступление, а в 1933г. был убит в Дахау.

Таким образом, все иски Гитлера вызывались безответственностью соперников, пытавшихся скомпрометировать грандиозную идею национального обновления, с которой НСДАП взошла на вершину внутригерманской политики. Суды показали также, что основным оружием творчески бесплодных соперников Гитлера была примитивная клевета. В дальнейшем подобные приемы у более серьезных его противников маскировались долей легкомысленного идеализма, разбавленного карьерными устремлениями. Пути выхода их тупика были закрыты для этих лиц. В мае 1927г. Гитлер говорил: «Пусть одни с ревностью представляют сегодняшнее государство; другие же считают честью бороться за будущее государство».

В «период борьбы» перед Гитлером постоянно мелькали «тени прошлого» в разном обличье. В конце 1929г. он столкнулся с яростными нападками председателя Баварской народной партии /БНП/ д-ра Фрица Шефера /ум.1967/, писавшего в воззвании: «Национал-социализм наш враг, потому что социализм наш враг и потому что это шовинистический, нехристианский социализм». Гитлер ответил статьей в «Фелькишер Беобахтер» – «Спасение марксизма с помощью буржуазии», указав на удивительное тождество усилий этих доминирующих сил современности против национального пробуждения. Цена убеждений Шефера прояснилась уже в начале 1933г., когда он в расчете на министерский пост в новом правительстве защищал Гитлера перед президентом Гинденбургом и фон Папеном. Сразу после победы национал-социалистов БНП самораспустилась.

До последней возможности часть консерваторов надеялась реставрировать монархию. Но лишь немногие из сторонников Гогенцоллернов или Виттельсбахов рискнули сопротивляться Гитлеру. Упорством отличался граф Й. фон Зоден-Фрауенхофен /1883-1972/ – шеф кабинета баварского кронпринца Рупрехта, отказавшегося от престола после смерти короля-отца. Сопротивляясь тенденции общественных перемен, граф пытался опереться на солидную базу путавшихся в идеологии лиц: философа Освальда Шпенглера, кардинала Фаульхабера и руководителя штурмовиков Эрнста Рема.

Но с начала 1922г. НСДАП уже вела переговоры с принцем через группу лояльно настроенных к партии министров и ведущего советника Гитлера М.-Ф. фон Шойбнер-Рихтера. Фигура этого православного уроженца Риги многозначительно указывала на возможность сближения Гитлера с кругами русской монархической эмиграции. К сожалению Шойбнер-Рихтер – один из главных инициаторов «пивного путча» 1923г., шедший рядом с Гитлером, был застрелен полицией. «Всех можно заменить, но только не его!», воскликнул тогда фюрер. Вместе с ним погибла захватывающая воображение идея органического сближения НСДАП с русскими монархистами. В союзе с Германией большевизм в СССР мог приобрести национальный облик без трагической войны на Востоке. Место фон Шойбнер-Рихтера в качестве внешнеполитического советника фюрера занял другой выходец из России – догматик Альфред Розенберг, не оценивший перспективу геополитического сближения с нашей страной.

Сложившаяся политическая ситуация подталкивала к этому союзу реалистически мыслящие круги Германии, в том числе «здоровую» часть немецких монархистов. В 1929г. репарационные обязательства Германии были значительно усилены «планом Юнга», грабительский характер которого осуждала Советская Россия. Для противодействия Плану в Германии был создан Имперский комитет по требованиям немецкого народа, среди учредителей которого находилась НСДАП. Комитет предложил, а Рейхстаг отклонил проект «Закона против порабощения немецкого народа», подписанный 4,14 млн. избирателей /10,6%/. «Требования... » позволили Гитлеру наладить связь с влиятельными финансовыми кругами и издательским концерном Гугенберга.

Вокруг «Требований... » разгорелась борьба, в ходе которой Зоден-Фрауенхофен, искажив позицию кронпринца, поддержал немецких сторонников плана Юнга. Гитлер ответил графу Открытым письмом в «Фёлькишер Беобахтер» – одним из самых радикальных документов «периода борьбы», содержащим аргументы, актуальные до наших дней.

Фюрер доказывал, что с подписанием соглашения о прекращении огня в 1918г. Германия впервые отказалась от защиты немецкого народа посредством соб-

ственной мощи, доверившись надеждам на иностранные обещания, на фиктивное право и честные намерения дать в будущем человечеству образец мирного образа мысли. Это трусливое поведение было рассчитано на то, что место оружия займет упорная, самоотверженная работа и постоянная готовность к новым жертвам, как средству умиротворения вражеских притязаний. Тогда лозунгом Германии станет – «через работу к свободе!». Но этот нелепый лозунг, писал Гитлер, противоречит всему историческому опыту. – «Ни разу за последние семь тысяч лет не было примера, чтобы народ пришел к свободе на пути мирного выполнения притязаний врага... История учит, что народы, которые определенное время платили дань, привыкали к такому положению, так же как привыкал получатель дани... Любое право связано с силой, а длительное лишение права связано с потерей силы. Такие народы пропитываются рабской психологией... В конце концов мы увидим перед собой массу рабов уже не достойных свободы».

«Единственное средство исправить это губительное положение», – продолжал Гитлер, – «силой народа убрать правительство и политическую систему, ответственную за уничтожение империи, и заменить их теми, кто несет в себе лучшие черты народа, обладающими силой и способностями для выполнения этой миссии... Ни один человек не имеет права причитать о порабощении другими странами или жаловаться на недостаток мужества для сопротивления, если он не может начать борьбу с внутренними проявлениями разрушения. Хорошо говорить, что мы, конечно за борьбу, но в другой момент. Опыт показывает, что для труса этот момент никогда не наступит. Почти никогда нельзя рассчитать заранее, что борьба будет успешной. Величие победы заключается не в последнюю очередь в максимальной силе сопротивления, которое надо преодолеть... Всемирная история показывает, что если в успехе борьбы сомневаться, то победы не будет... Никогда не придет из слабых сердец к нации сила для сбрасывания иноземного ига. Победа над ними является внутренней предпосылкой победы над внешним врагом». Национал-социалистическое движение победило, потому что в ситуациях, требовавших наступления, оно никогда не считало время «неподходящим» или метод «неправильным».

В том, что гнёт на Германию непрерывно возрастал, Гитлер видел историческое доказательство того, что политический долг с помощью работы никогда не может быть погашен. Он считал ложью, что страна способна нести такой груз. «Через одиннадцать лет после окончания войны, в то время когда всему миру ясно, что Германия не могла быть виновником войны, заключен договор на основе самого низкого самобичевания всех времен, который делает крепостными всех детей и внуков вплоть до отдаленного будущего», – писал фюрер. – «Тот, кто в 1918 году разоружил наш народ и оставил беззащитным перед интернациональными финансовыми магнатами, не может желать его возрождения как

сильной политической державы. Они хотят наш народ экономически и духовно сделать белыми неграми. Это цель еврейской расы, господствующей сегодня над Германией. Эту цель осуществляет коалиция, простирающаяся от социал-демократии до Немецкой демократической партии, во всем подготавливающей дорогу марксизму. Она покрывает его и надеется вместе с ним извлечь выгоду из бедствий народа. Ее духовная верхушка – финансовое еврейство, которому марксистские кулаки придают грубую физическую мощь».

В лице Зоден-Фрауенхофена Гитлер свел счеты с частью высшего слоя немецкого общества, боявшейся перемен. С ростом силы гитлеровского движения граф и ему подобные ушли в тень. Всю войну он жил в Германии, не подвергаясь репрессиям. В целом аристократия, которую представлял Зоден-Фрауенхофен, заняла нейтральную или сочувствующую позицию к национал-социализму.

Задолго до 1933г. некоторые ведущие представители этого сословия поддержали НСДАП и были с ней до конца. Сын кайзера Август Вильгельм Прусский /ум.1949/, член партии с 1930г., стал генералом СА и депутатом Рейхстага, регулярно выступая на партийных митингах. Принц Кристофф Гессенский, член НСДАП с 1931г. и генерал СС, начальник отдела Имперского министерства авиации, в 1943г. погиб во время боевых действий в Италии. Адъютант Геббельса принц Ф.-К. Шаумбург-Липпе /в партии с 1928г./ с 1943г. служил в танковых войсках. После интернирования в 1945-48гг. он стал писателем. Умер в 1983г. Наследный принц цу Вальдек-Пирмонт, генерал СС и член партии с 1929г., в 1938-45гг. руководил СС и полицией области «Фульда-Верра». После войны приговорен к пожизненному заключению, вышел на свободу в 1950г. Наследный герцог Ф.Ф. Мекленбургский, внук русской княгини, член НСДАП и СС с 1931г., занимал должность советника имперского наместника в Дании В. Беста. Принц Филипп Гессенский /в партии с 1930г./, генерал СА, занимал пост обер-президента провинции Гессен-Нассау. Умер в 1980г. Герцог К.-Э. Саксен Кобург-Готский /ум.1954/, генерал пехоты в Первую мировую войну, с 1926г. руководил крупнейшей националистической организацией Германии «Стальной шлем». С приходом к власти национал-социалистов он возглавлял Имперский автоспорт, затем Германский союз фронтовиков и Германский Красный Крест. В НСДАП состояло много женщин из высшего круга. До конца 1934г. около 150 аристократок вступило в партию Гитлера /30% против 8% среди мужчин/.

В 1930г., когда ряды НСДАП интенсивно пополнялись представителями высших сословий Германии, партию потряс тяжелый продолжительный кризис, возникший из-за притязаний руководства штурмовых отрядов – Sturmabteilungen /СА/ на ведущую роль в национал-социалистическом движении. Первые ударные отряды НСДАП создал бывший офицер генштаба Эрнст Рем в 1923г. Вскоре он

преобразовал их в военизированную организацию штурмовиков Имперский военный флаг. Но через два года Рем был снят со всех постов из-за постоянного нарушения партийной дисциплины. В конце 1926г. Гитлер назначил руководителем СА члена НСДАП с 1924г., бывшего командира Добровольческого корпуса и активного бойца в Руре Пфеффера фон Заломона. Фюрер тогда сказал фон Заломону: «Что нам нужно, – это не 100 или 200 дерзких заговорщиков, а 100 или более тысяч фанатичных борцов за наше мировоззрение. Надо работать не в тайных монастырских кельях, а в огромных массовых колоннах, и не кинжалом, ядом или пистолетом, а завоеванием улицы. Мы докажем марксизму, что будущим хозяином улицы будет национал-социализм, так же как и хозяином государства... Если мы хотим создать фактор силы, нам нужно единство, авторитет и муштра... Мы должны создавать армию не политиков, а солдат нового мировоззрения».

К осени 1927г. существовало уже 17 отрядов СА. До неожиданного успеха на выборах 1930г. партия находилась в фазе ожидания, планирования и спокойствия. Гитлер использовал время относительной консолидации Веймарской системы для нацеленного на будущее строительства партийной организации. Создавались все новые отделения и пункты. Не осталось ни одного социального слоя или профессиональной группы, не вовлеченных в НСДАП. Уже в конце 20-х годов в смелых набросках был создан образ нового государства. В этой концепции тихого захвата власти роль СА осталась открытой.

Беспокойство внес заместитель командира СА на Востоке, бывший командир Добровольческого соединения, а затем полицейской сотни в Берлине капитан Вальтер Штеннес. Подчиненный Геббельса, он сразу вошел в разногласия с ним. В 1928г. Штеннес нацелил руководителей берлинских штурмовиков против «тряпок» – Гитлера и фон Заломона, а через два года потребовал выдвижения трех руководителей СА в Рейхстаг. Руководство партии называло его склочником и бонзой. Гитлер же из политических соображений считал тогда несовместимым депутатский мандат с членством в СА и пресек диспут по этому вопросу. В 1932г. произошли перемены. Фюрер лично возглавил СА и пресек амбиции ставшего, наконец, депутатом Штеннеса и ему подобных, не желавших подчиняться партийной дисциплине. Теперь Штеннес открыто критиковал Гитлера за приверженность к легальному завоеванию власти и держал особняком подчиненные ему штурмовые отряды.

В августе 1930г. берлинские СА в кровопролитной схватке с СС захватили управление делами гау. По прибытии в Берлин Гитлера мятеж мгновенно закончился. Он удовлетворил ряд материальных претензий СА, но конфликт разгорался из-за осуждения штурмовиками «буржуазного национализма», с которым Гитлер еще пытался согласовать позиции. Гауляйтер Берлина Геббельс, высту-

павший, скорее, за «социалистическую» линию, сидел тогда между двух стульев.

В феврале 1931г. фюрер в берлинской газете Геббельса «Ангрифф» выступил против «провокаторов, пытавшихся подстрекать СА к безумному предпрятию». Он тут же вернул из опалы первого руководителя штурмовиков Эрнста Рема, назначив его начальником штаба СА. Влияние Штеннеса резко упало, но и Рем не собирался складывать оружие перед партией. В апреле личный состав штурмовых отрядов достиг 400 тысяч. Почти все руководство СА в Восточной Германии некоторое время поддерживало пониженного в должности Штеннеса при нейтральном отношении Рема. Тогда же берлинские штурмовики выпустили воззвание против «антигерманской и неограниченной партийной деспотии и безответственной демагогии» Гитлера. Люди Штеннеса вновь заняли помещения гау и в захваченной редакции «Ангриффа» выпустили номер, оспоривший беспрекословное подчинение Гитлеру и его намерение исключить СА из политики. После этого Штеннеса окончательно убрали из руководства, многие члены которого вместе с ним покинули штурмовые отряды. В СА пришли новые лица, занявшие высокое положение: граф Хельдорф, Г. Хайдебрек, Э. Хайнесс, К. Эрнст. Всех «новобранцев» взрастила оппозиционная фюреру стихия. Трех последних убили в 1934г. во время «ночи длинных ножей». Будущего начальника полицейского управления Берлина Хельдорфа казнили в конце войны за участие в заговоре против Гитлера.

В апреле 1931г. Гитлер поручил Геббельсу решительно очистить ряды НСДАП, сказав, что «лучше вообще не иметь национал-социалистическое движение, чем иметь партию без дисциплины, непоследовательную и непослушную». Во время подавления апрельского мятежа в Восточной и Северной Германии около 500 штурмовиков было уничтожено. Геббельс записал в дневнике: «Мятеж задохнулся сам. Но продолжает бродить и бурлить. В любой момент это может повториться, если мы не реформируем партию сверху донизу»

4 апреля Гитлер подвел итог борьбе за очищение СА. Он писал в «Фелькишер Беобахтер»: «Партий, в которых каждый может делать все, что захочет, предостаточно. Я создал национал-социалистическое движение не для того, чтобы множить число подобных партий. Цель, за достижение которой мы боремся, – великая и требует личной позиции, соответствующей её величию... Я никогда не потерплю в Движении сознательного непослушания или нарушения закона,... планомерного разрушения ее руководства». Обращаясь к бойцам СА, он сказал: «Когда 11 лет назад я вместе с шестью товарищами создал это Движение, Германия представляла собой беззащитные развалины, находящиеся под господством жаждущей добычи своры партий, желавших обратить бедствия нашего народа во благо для себя. Знаками того времени были разрушающий марксизм

и трусливая соглашательская буржуазия... Это была неслыханно трудная цель, тяжелый путь и порой почти безнадежная борьба. Те люди, которые сейчас нападают на меня, никогда своими силами не создали и не сохранили даже маленького союза... Я горд, что судьба дала мне возможность из ничего развить Движение, ставшее сегодня не только надеждой и уверенностью миллионов, но и устрашением для миллионов других».

«В своих рядах мы не знаем классовых противоречий, сословного или профсоюзного чванства», потому что мы сами вышли из всех слоев нашего народа и жили вместе в общей заботе о юном, дорогом нам Движении», – заключал Гитлер. – «И для меня самого эта борьба была тяжелее вдвойне. Я не был сыном богатых родителей, не заканчивал университетов, а воспитывался суровой школой жизни, в нужде и лишениях... Во времена нетвердости всех понятий, традиций и всех властей мы снова создали в нашем народе с помощью национал-социалистического движения авторитет, которому слепо верят миллионы. Тот, кто пытается подорвать этот авторитет, действует или безумно, или бессознательно легкомысленно, или как сознательный враг». Фюрер отнес Штеннеса к беззастенчивым провокаторам. После исключения из СА В. Штеннес создал «Боевое товарищество национал-социалистов», вскоре бесследно исчезнувшее, как ранее «Черный фронт» Отто Штрассера /деятельность братьев Штрассеров описана в моей статье «Левый путь национал-социализма/. Сам Штеннес избежал репрессий, эмигрировав в Китай, где до 1949г. инструктировал армию генерала Чан Кайши и умер в 1989г.

После кризиса, вызванного Вальтером Штеннесом, в СА снова и снова проявлялось недовольство /Брауншвейг, Аугсбург, Франкония... /. В июле 1934г. все оппозиционное руководство штурмовиков, не сумевшее поладить с партией, во главе с Ремом было уничтожено. В ноябре 1941г. Пфеффера фон Заломона исключили из НСДАП за оппозиционные настроения. В конце войны он командовал дивизией фольксштурма /ум. в 1968г./.

Расправа с радикальными элементами в СА нашла историческое оправдание в факте стремительного восстановления Германии из праха после прихода к власти НСДАП в результате выборов. Действия Гитлера внутри Германии до начала Второй мировой войны не содержали серьезных ошибок. Ни одна оппозиционная сила не могла предложить ничего лучшего, тем более – вооруженная стихийная масса.

До самого падения Рейха оппозиционные настроения проявлялись в различных организациях и партийных структурах. Они, как правило, не носили прежней остроты и в некоторых случаях искусно сопрягались с официальной идеологией, балансируя на грани дозволенного, и даже переходя за неё. Отдельные

персоны демонстрировали при этом чудеса приспособления в стремлении обновить идеологию.

Удивительно стойким образцом внутренней оппозиции оказался Национал-социалистический студенческий союз /НСДБ/ с момента основания в 1930г. Уже тогда группа функционеров пыталась интеллектуализировать Союз и ставила под сомнение личность его руководителя – рейхсляйтера НСДАП Бальдура фон Шираха. Двигателями этого течения стали лидер боннской фракции в Студенческой палате Германии Эрнст Анрих /1906-2001/ и занимавший тот же пост в Эрлангене Рейнхардт Зункель. В гильдии Анриха было много сторонников национал-социализма, но сам он долго не решался привязать ее к гитлеровскому движению. Наконец Анрих признал: «Рядом или выше Гитлера уже не появится более полноценного движения. Где найти и откуда ждать того, кто с такой же силой как Гитлер воплощает в себе способность к признанию, побуждению и проповедованию, а главное, – готов для этой задачи целиком отдать себя и свою судьбу». «Возможно, весь национал-социализм – ошибка», – писал он в феврале 1930г., – «но ради шанса спасти Германию я должен присоединиться к нему». Это признание показало, что Анрих не имел самостоятельной цели, которой следовало посвятить жизнь. Тем не менее, студенческий лидер постоянно искал такую идею.

Пытаясь воплотить собственные замыслы о деятельности НСДАП, Анрих отказался от предложения фон Шираха стать его заместителем по вопросам высшей школы. Он планировал создать независимое от партии Национал-социалистическое студенческое товарищество. Как политик, Эрнст Анрих не понимал значения единства и внутренней цельности гитлеровского движения. В августе 1930г. он составил Памятную записку о сущности и структуре Студенческого союза. Записка предлагала программу широкого реформирования и «демократизации» национал-социалистического движения в университете и нашла много сторонников в НСДБ, будучи направлена против стиля руководства и личности фон Шираха.

Стремясь к компромиссу, Ширах в ноябре 1931г. ввел Анриха в центральное руководство высшей школы. На новом месте Анрих действовал как теоретик, в основном на заднем плане. Р. Зункель же постепенно становился лидером оппозиции, спланировав недовольных в отдельную группу. Бунт достиг кульминации в письме 24-х руководителей групп высшей школы с требованием сместить Шираха. Тот вдруг согласился со многими предложениями реформаторов и назначил Зункеля своим заместителем по руководству НСДБ в Берлине, а также главным редактором газеты Студенческого союза «Ди Бевергунг» /«Движение»/. Одновременно фон Ширах информировал Гитлера о поведении «бунтовщиков» в окружении Анриха. Заимствованное у старых противников Гитлера предложе-

ние Анриха о создании сообщества немецких фюреров в молодежном движении /«рейхсфюрершафта»/ противоречило идеям вождя, который тут же заявил, что не потерпит никакого коллективного руководства в национал-социалистической организации студенчества, обязанной быть лояльной частью германского общества, вступающего в полосу обновления. Он увидел опасность для Союза в том, что оппозиция преподносит чисто интеллектуальные точки зрения, не заботясь об их соответствии принятому социальному курсу.

В частной переписке студенческого лидера появлялись «революционные» мотивы: «Я безусловно останусь национал-социалистом... Но эта буржуазия – иногда спрашиваешь себя: Где Германия? Она – эти буржуа? И для них пытаются завоевать новый внутри и снаружи Рейх?». Ситуация накалилась, и Ширах исключил Зункеля из НСДБ без права апелляции. Через Грегора Штрассера, бывшего тогда главой организационного отдела партии, Анрих и Зункель в марте 1931г. попали на прием к Гитлеру, безучастно внимавшему их жалобам. В следующем месяце и Анриха удалили из НСДБ. Фон Ширах добивался исключения обоих из партии. В знак протеста из Студенческого союза вышли многие группы высшей школы, заявив о своем подчинении непосредственно НСДАП. Однако характер Союза не позволял подчиненным ему структурам развиваться в самостоятельные подразделения, диктующие условия руководству. Гитлер не согласился с отставкой Шираха, подчеркнув, что «НСДАП не парламентский клуб, из которого легко можно выйти».

В мае 1931г. он занял непреклонную позицию. Выступая в Коричневом доме с многочасовой речью, Гитлер критиковал претензии «интеллектуально слоя немецкого народа». «Занятие умственным трудом еще не руководство», – сказал он. – «Духовная элита нации больше не имеет права на руководство. Народ лишен политического руководства. И это происходит потому, что теоретическая мысль слишком специализирована... Когда я основал НСДАП, главным для меня было – удастся ли на место еврейско-интеллектуального поставить национальное массовое руководство... Но когда национал-социалистическое движение победит, оно должно поставить молодежь на службу себе... Мне нужны не дискутирующие, духовно отъевшиеся молодые люди, а такие, кто хочет идти в массу и принимать жизненное участие в ее борьбе... Эту задачу никак нельзя выполнить за письменным столом. Народное государство без интеллигенции невысказано. Но только позднее у нас появится время для высшей школы, и не только практическое, но и глубокое теоретическое обучение знаниям об умении руководить массами».

Обосновав в речи необходимость авторитарного руководства, фюрер неожиданно затронул одну из главных проблем национал-социалистического движения – расовую. Не догматически трактуя её, /так же мыслил крупнейший расолог Рей-

ха [Ганс Гюнтер](#)/, Гитлер заметил, что Германия по расовому составу не является чистой. В нее вошли нордические, восточные и другие элементы, и смешение из этих составных частей. Поэтому на любой вопрос, требующий занять позицию по чистоте рас, следуют различные ответы. Так что при демократическом решении вопроса всегда остаются недовольные «расистской неполноценностью» ответа. «Поэтому для нас немыслима никакая другая форма организации, кроме основанной на признании вождя и его авторитета», – заключал Гитлер. Это суждение поучительно и вне студенческого контекста. Оно указывало на заданные пределы практического применения расовой теории, без радикальных мер против «неарийских» народов. Согласно ему, следовало ограничиться пропагандой биологического разделения несовместимых расовых групп и соблюдать эти условия на практике. Расовые проблемы всегда волновали нацистских интеллектуалов, и борьба вокруг них принимала порой острые формы. Поэтому поучения фюрера студенческому руководству ложились на подготовленную почву, а, с другой стороны, предостерегали молодых людей от чрезмерной самостоятельности в этом сложном вопросе.

«Студент поздно пришел в наше движение», – говорил Гитлер, – «поэтому цель его завоевания не в том, чтобы создавать кружки духовного усовершенствования, но чтобы сделать из него вождя, а это произойдет не на пути государственного или научного воспитания, а лишь в обстановке связи с массой... Наше направление, помимо знания, обладает реальной силой народа. Иметь практические знания хорошо, но без силы полностью

бесполезно... Если национальная интеллигенция далека от народа, то её народное направление всего лишь народная клика».

Гитлер доказывал необходимость авторитарного руководства, особенно в драматические моменты истории. «Не существует единства, охватывающего всё», – сказал он. – «Поэтому тот, кто хочет добиться успеха, должен установить духовную тиранию, а это влечет за собой вечную критику. Так как невозможно построить организацию, в которой каждый делает то, что хочет, то я целиком отмечаю подобную свободу... Если бы все люди были одинаковы по характеру, опыту, основным принципам мышления, то организации вообще были бы не нужны... Однако есть люди, соглашающиеся в ключевых моментах, и к этому ведет лишь один путь... Маршировать отдельно и ударить вместе?... Нет, человека надо вести к цели, указывая ему эту цель. Всегда есть соприкосновение с другими целями, но лишь частичное. Одна цель, один путь! Поэтому НСДАП с самого начала не провозгласила свободу мысли. Наша организация идет по общему сплоченному маршруту. Для этого единого пути каждый должен отказаться от больших или маленьких личных целей. Долговременный отказ отдельных людей от личных целей в конце приводит к общему большому достижению для

тысяч... Организации, в которых каждый из лучших побуждений сам определяет лучший путь, исчезают в момент, когда им начинает противостоять другая организация, в которой отсутствует какой-либо индивидуализм»

Затем Гитлер обрисовал границы допустимой свободы при национал-социализме: «Каждый имеет право высказать мне собственное мнение. При этом может возникнуть острейший спор. Но обращение к организации со своим мнением я запрещаю... Нигде нет больше возможностей для выдвижения предложений, чем у нас. Ни одно решение я не принимаю легко и никогда без обсуждения с другими, так как я, скрепив его своим именем, отвечаю за всё».

Затем фюрер защитил фон Шираха, отметив его заслуги перед Движением. Но все знали, что студенческий лидер по характеру и стилю работы был постоянно готов к критике. Многие даже считали Шираха «частью оппозиции, имманентной системе» внутри партийного руководства.

Речь Гитлера возымела действие. Вскоре Зункель письменно отрекся от прежней практики, обещая больше не заниматься политикой высшей школы, и тем сохранил членство в партии. До 1937г. он служил в Имперском министерстве образования у Б. Руста, а в 1944 покончил жизнь самоубийством. Некоторых бунтовавших функционеров удалили с постов, и в организацию окончательно вернулось спокойствие. Группы высшей школы возвратились в Студенческий союз. Лишь Нойбек в Эрлангене во время выборов во Всеобщий студенческий комитет создал группу «За Гитлера против Шираха». Впоследствии он стал коммунистом, подтвердив общую репутацию оппозиционеров как политически неустойчивых лиц.

Исключенный из НСДБ Анрих опубликовал брошюру «Три статьи о национал-социалистическом мировоззрении», привлекая внимание в интеллектуальных нацистских кругах. В ней в смягченном виде отражены реформаторские настроения. Анрих и вне Студенческого союза представлялся национал-социалистом по духу. Он получал предложения от влиятельных персон, работающих в сфере науки и политики высшей школы, но его беспартийность не позволила воспользоваться ни одним из них.

Очищение молодежной организации от протестующих завершилось отстранением от руководства немецким студенчеством В. Лиенау /погиб в 1941г. в Греции в дивизии СС «Лейбштандарт»/, а затем его преемника Ф. Штебеля /ум.1977/. Анрих в 30-е годы серьезно занялся наукой и стал известным специалистом по вопросам германских границ, а в 1941-44г. возглавлял Страсбургский университет. Его строптивого коллегу профессора фон Грюнберга назначили ректором университета в Кёнигсберге /ум.1975/.

Во всех случаях принцип фюрерства строго выдерживался Гитлером. Так, в апреле 1933г. он исключил из партии, снял с постов в Берлине и арестовал трех капитанов в отставке за оспаривания своих решений в гау, суде и хозяйственной организации. Все они были сотрудниками д-ра О. Вагенера – известного «левыми» настроениями руководителя экономического отдела Имперского руководства НСДАП. До этого, в конце 1932г. Гитлер расформировал отдел Вагенера, запретив распространять «антикапиталистические» программы, внушенные Грегором Штрассером. Г. Кордеман – самый активный из капитанов оказался впоследствии агентом тогдашнего главы рейхсвера и противника нацистов генерала фон Шлейхера.

Характерной фигурой среди независимо мыслящих национал-социалистов был «старый борец» Вильгельм Кубе, имевший университетское образование по истории и теологии. Убежденный антисемит, он задолго до прихода к власти национал-социалистов основал в Берлине Немецкий народный студенческий союз, установив контакты с известными юдофобами: Т. Фричем, А. Бартельсом, Д. Эккартом и фон Зонненбергом, членом Немецкой социальной партии которого он состоял. Кубе, как многие его современники, представлял евреев лишеными корней всего органически выросшего. С 1914г. он редактировал несколько праворадикальных листков. Во время Первой мировой войны Кубе переменил членство в двух правых партиях, прежде чем вступить в НСДАП. В 1928г. по предложению Гитлера он стал председателем прусского ландтага и гауляйтером Остмарка. Его активная пропаганда в «Фелькишер Беобахтер» и агрессивные выступления в ландтаге привлекли в партию множество сторонников. Кубе дал торжественный обет верности фюреру, которому следовал всю жизнь, несмотря на повороты в своей биографии. Он был известен в Германии и как литератор. Его пьесы шли на сценах Германии до и после 1933г.

В. Кубе всегда интересовался вопросами церкви и веры и в «период борьбы» стал специалистом в этой области. Он отвергал «признанную церковь» и активно участвовал в создании движения «Немецкие христиане», поставившего целью создание самостоятельной немецкой государственной церкви, до момента, когда Гитлер пресек подобные попытки. После внушительной победы НСДАП на последних свободных выборах в марте 1933г. Кубе стал гауляйтером крупнейшей гау Курмарк с центром в Берлине, но в 1936г. Гитлер снял его со всех постов по обвинению в кумовстве и должностных злоупотреблениях. С середины 1940г. Кубе работал в ведомстве радиопропаганды Геббельса. Однако Гитлер не забыл заслуг преданного партийца и в июле 1941г. назначил его генеральным комиссаром Белорутении со столицей в Минске. Его начальником стал Генрих Лозе – имперский комиссар Остланда /оккупированные Прибалтика и Белоруссия/.

Вскоре после назначения Вильгельм Кубе вступил в разногласия с СС. Будучи в теории фанатичным антисемитом, он протестовал против расстрела евреев полицейскими командами и даже прикрывал их как рабочую силу. Кубе подвел теоретическую базу под свою умеренную политику, доказывая наличие у евреев нескольких процентов «нордической» крови. Такое поведение вызвало неприязнь к генеральному комиссару со стороны СД и партийного секретаря Мартина Бормана. Ведомство министра оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга начало заниматься Кубе, хотя атмосфера в оккупированной Белоруссии была спокойной.

Показателен пример с «Локотьской республикой». После бегства местного руководства в конце 1941г. советскую власть на Орловщине мгновенно ликвидировали. Крестьяне принялись делить землю. В ответ на бесчинства окруженцев и партизано-чекистских групп, живущих грабежами деревень, крестьяне создавали отряды самообороны. Этот стихийный, неподконтрольный немцам процесс шел на всей территории оккупированных областей. Заняв в октябре поселок Локоть в Орловской области, немцы разрешили бывшим красноармейцам Б. Каминскому и К. Воскобойникову создать и возглавить местное самоуправление. Летом 1942г. немецкое командование преобразовало Локотьский уезд в округ с восьмью районами и

общим населением в 600 тысяч. Бургомистру Каминскому предоставили полную свободу действий. Немецкие штабы и комендатуры вывели за пределы округа. Армия Каминского насчитывала до 1000 бойцов. Успешно работала промышленность. В сельском хозяйстве применялась смешанная экономика: наряду с растущим частным сектором сохранялись колхозы. Планировались все сферы жизни округа: социально-экономическая, культурная и др. В 1943г. по приговору локотьского суда был расстрелян немецкий военнослужащий за убийство белорусского предпринимателя. До поры нейтральные отношения поддерживались с партизанами – стороны извлекали обоюдную выгоду вплоть до освобождения Орловщины. Республика противостояла обоим фронтам – советской стороне и немцам.

В сентябре 1943г. Вильгельма Кубе убила партизанка по заданию НКВД. – Довольно успешная коллаборационистская политика не укладывалась в концепцию партизан, которые должны были опираться на ненависть населения к немцам. На торжественных похоронах генерального комиссара руководителя Рейха произносили объективные речи. Геббельс сказал: «Он нашел достойную смерть политического солдата. Кубе пал на поле битвы за наше мировоззрение». Вильгельм Кубе представлял ту часть партийного руководства и государственных чиновников высокого уровня, которые без враждебных намерений

пытались улучшить разные стороны жизни национал-социалистической Германии, не помышляя об общем изменении политической системы.

Судьба другого «старого борца» – Йозефа Вагнера также сложилась трагично. В отличие от Кубе Вагнер не раз переходил грань допустимого. В его лице Гитлер осудил группу лиц, чья политическая деятельность, несмотря на их преданность национал-социализму, постоянно подпитывалась либеральными идеями. Выходец из рабочей семьи, Вагнер в 1922г. вступил в НСДАП. Через шесть лет он стал гауляйтером Вестфалии /с 1931 – Южной Вестфалии/. В 1932г. Вагнер основал «Высшую школу политики» для подготовки партийной смены. Через год его назначили вице-президентом Госсовета Пруссии /заместителем Геринга/, а в 1935г. еще и гауляйтером Силезии и, наконец, – Имперским комиссаром по ценнообразованию. Это был единственный случай в НСДАП, когда одно лицо руководило двумя крупными, да еще отстоявшимися далеко друг от друга гау.

Возглавив Комиссариат, Й. Вагнер в разрез с политикой ведущего финансиста Я. Шахта сразу выпустил указ о замораживании цен, что вызвала ярость Гитлера. Гауляйтер и дальше проявлял необычное своеволие: противился усилению М. Бормана в партии и осуждал захваты в Европе. Будучи статс-секретарем в имперском правительстве, он тормозил гибкую церковную политику в своих гау, придерживаясь традиционных /«консервативных», по выражению национал-социалистов/, воззрений на роль церкви. Глава Имперской службы безопасности /СД/ Р. Гейдрих, сам слывший свободомыслящим, говорил в 1936г.: «В церковных одеждах политическое проникновение пропитывает все стороны жизни нашего народа... Таким образом вносят недоверие и сомнения в объединенную фюрером общность народа и пытаются посеять раздор между партией и государством».

В начале 1941г. Й. Вагнера отстранили от руководства гау Силезия за защиту польской интеллигенции, оставив гауляйтером Южной Вестфалии, а в ноябре фюрер приказал председателю партийного суда Вальтеру Буху начать дело об исключении Вагнера из партии. Однако суд большинством голосов оправдал гауляйтера /!/. Он остался в партии, но Гитлер не подписал решения суда, и оно не вступило в силу.

После ряда эпизодов, показавших определенную независимость юстиции, фюрер принял крутые меры в сфере права. В середине 1942г. он назначил министром юстиции фанатичного национал-социалиста Отто Тирака. Теперь юристы открыто говорили между собой об «управляемой юстиции» в Рейхе. В парламентской речи Гитлер сказал: «Я ожидаю, что нация даст мне право немедленно вмешиваться везде и соответственным образом действовать там, где нарушается принцип безусловного выполнения великих задач, решающих вопрос – быть

или не быть. Фронт, родина, транспорт, управление и юстиция должны иметь только одно понимание – завоевание победы. В это время никто не может кичиться своими правами, но знать, что сегодня существует только долг. Поэтому я прошу германский рейхстаг дать мне установленное законом право заставлять исполнять свой долг каждого, в противном случае –лишать должности без права возвращения, кто бы он ни был и какими правами ни обладал... В это суровое время не может быть самодостаточного явления с благоприобретенными правами, наоборот, все мы лишь послушные слуги нашего народа». В ноябре Гитлер распорядился, чтобы партийный суд отныне руководствовался не «формальными правовыми представлениями, а политической необходимостью Движения».

С октября 1943г. гестапо следило за Й. Вагнером. После покушения на фюрера 20.07.44г. его арестовали за контакты со своим бывшим референтом, заговорщиком фон Вартенбургом и в апреле 1945г. казнили в концлагере Заксенхаузен.

Рано закончилась жизнь критически настроенного партийного функционера и государственного деятеля Карла Рёвера. Член НСДАП с 1923г., депутат Рейхстага, имперский наместник земли Ольденбург, Рёвер обрел большую популярность среди её населения. Он был отличным организатором, «донесшим идею Гитлера до последнего крестьянского дома» /из официальной характеристики/. Считавшийся приверженцем левого национал-социалиста Г. Штрассера, Рёвер умудрялся дружить с главным идеологом НСДАП А. Розенбергом. В то время как Гитлер налаживал связи с промышленниками, К. Рёвер критиковал «насквозь реакционный и капиталистический» хозяйственный совет в партийном руководстве. Владелец резких манер и грубой речи, он утверждал, что с завоеванием власти «класс евреев будет выдворен туда, где он должен быть» /за границу/. Став в 1933г. имперским наместником, Рёвер пригрозил демократическим партиям, что они «больше не будут говорить. Мы жестоко воспользуемся своей властью». Карл Рёвер прославился так называемой «борьбой за крест». В конце 1936г. по его приказу из христианских школ гау Везер-Эмс убрали распятия, что вызвало массовые протесты верующего населения Ольденбурга, вынудившие наместника отменить свой указ.

Присутствие во власти Рёвер ярко отметил Памятной запиской 1942г. В ней он без прикрас обрисовал положение в партии, предложив меры по ее реорганизации «после выигрыша войны». Эта оговорка позволила ведущим функционерам партии осторожно обсуждать содержание Записки. Сам Гитлер нашел в ней кое-что ценное, сказав Борману, что он знает – многое плохо, но «сначала мы должны закончить войны, затем будем очищать стол». Впоследствии партийная канцелярия приняла ряд мер по расстановке кадров в духе Записки Рёвера.

Распространено неверное мнение о «хаосе компетенций» и взаимной борьбе в государственных и партийных структурах Третьего Рейха. Между тем, существовал «Закон о единстве партии и государства». Заместителя фюрера по партии Рудольфа Гесса возвели в ранг министра, а партийная канцелярия Мартина Бормана стала связующим штабом при обсуждении государственных законов и координирующей инстанцией между министрами и узким кругом руководителей при Гитлере. Высокие партийные функционеры имели действительное политическое влияние, когда им удавалось успешно решать государственные задачи в своих областях. Но это свидетельствовало о роли личной инициативы и творчества в работе государственных и партийных органов. Гауляйтеры пользовались далеко идущей автономией и применяли свои полномочия для организации полнокровной жизни в своих областях. Большой координации не требовалось. То, что М. Борман похоронил планы создания «национал-социалистического сената», было вопросом борьбы с демократическими

влияниями и шло в общем русле устоявшейся партийной жизни. Ведущие фигуры Рейха – Борман, Гиммлер, Геббельс и др., каждый в своей сфере определяли политику государства и партии, а их «соперники» проявляли самостоятельность до очерченных фюрером пределов. Показателен пример Альберта Шпеера. Этому министру вооружений, координирующему в своей области десятки ведомств, удавалось наращивать военное производство до самого конца войны.

Разумеется, нигде не обходилось без упущений и ошибок. В Памятной записке Карл Рёвер предлагал строже разделить компетенции, разумнее проводить принцип фюрерства, улучшить «естественный отбор» руководителей /«без дураков и слабохарактерных»/, ужесточить прием в партию. Он писал: «Большая часть безразличных людей проскользнула в Движение в 1933 году... Партия должна состоять из готового к борьбе, решительного меньшинства... Исключением могли быть лишь больные и постаревшие в честном деле». Трудно предположить, что руководители Рейха имели другое мнение на этот счет, но стремительно убывавший фактор времени решал всё.

Народоправство в национал-социалистическом преломлении существовало в Рейхе с 1933 по 45 год. Но оно не распространялось на структуры парламентского типа. Малосодержательные дебаты во всевозможных «сенатах» и партиях противоречили принципу фюрерства, в идеале совмещавшему творческие способности с безусловным авторитетом. Идеология национал-социализма отвергала буржуазную демократию, по германскому опыту всегда производившую отбор худших наверх. Все её структуры возглавлялись, как правило, фигурами, лишенными творческой силы и глубокого национального чувства. К. Рёвер сомневался в этих закономерностях, предлагая основать «сенат» из партийных функционеров и повысить значение СА, ставшего бродильным котлом постоян-

ной революционности, а также советовал преобразовать Гитлерюгенд в добровольную организацию внутри партии. В мае 1942г. Карл Рёвер, отличавшийся слабым здоровьем, тяжело заболел прогрессирующим слабоумием, перед смертью выразив намерение лететь в ставку фюрера и к Черчиллю /!/. Гитлер, Розенберг и Геббельс высоко оценили его заслуги перед национал-социалистическим движением.

Впечатляющий пример долговременного свободомыслия в Третьем Рейхе являл печатный орган Гитлерюгенда «Вилле унд Махт», бессменно возглавлявшийся молодым нацистским интеллектуалом Гюнтером Кауфманом /р.1913/, членом партии с 1933г. Имперский руководитель молодежи Бальдур фон Ширах назначил его редактором этого журнала в 1934 году. Под руководством Кауфмана журнал воплотил дарованное фюрером и провозглашенное Ширахом «право юности на критику». Эта формула дала возможность «свободомыслящим» в широких пределах варьировать идеи национал-социализма, руководствуясь лишь политическим тактом. В короткое время вокруг «Вилле унд Махт» сгруппировалась талантливая молодежь, мастерски подававшая острые материалы. Многие сотрудники журнала стояли в стороне от партийно-политической жизни и поэтому не могли найти работу в других органах печати. Кауфман применил впечатляющие лозунги для нового стиля работы. Он провозгласил целью воспитание «художественно развитых людей с солдатской твердостью,... во времена, когда искажаются идеалы революции людьми, не понимающими современных задач». «В этой молодежи должен быть воплощен синтез Потсдама и Веймара», – писал Кауфман, открыв острую тему освещения периода германской истории, отвергавшегося национал-социализмом.

Особый резонанс вызывали номера журнала, посвященные событиям и лицам, с трудом вмещавшимся в идеологические каноны партии. С 1935по 44г. «Вилле унд Махт» вопреки рекомендациям Розенберга и Геббельса отмечал юбилеи философа Л. Клагеса, композитора Р. Штрауса, драматурга Г. Гауптмана, историка искусств профессора Пиндера... Во время войны Кауфман отказался по требованию Геббельса выпустить специальный антисемитский номер журнала. В этом вопросе определенную солидарность с ним проявлял фон Ширах. Назначенный в 1940г. гауляйтером Вены, он запретил намеченный снос могил на еврейских кладбищах со словами: «Перед могилами власть партии заканчивается».

Некоторые выпуски журнала служили «взаимопониманию народов». В них империалистические намерения отвергались в пользу «совместных действий» в Европе. Журнал неоднократно вторгался в сферу МИДа. Фон Ширах, ставший в конце 1936г. издателем «Вилле унд Махт», получил напрямую статьи премьер-министров Англии /Чемберлен/ и Франции /Шотан/, в которых основное внимание уделялось отношениям этих стран с Германией. До войны высказывания

лидеров иностранных государств чаще можно было прочесть в молодежном журнале, чем в партийных газетах. «Гитлерюгенд» через «Вилле унд Махт» объявил 1938г. «годом понимания». Дело не ограничилось печатной пропагандой. Делегация молодежи во главе с Ширахом нанесла визиты в Турцию, Грецию, Румынию, Югославию, Ирак, Персию и Сирию для организации молодежного движения в этих странах. Несколько руководителей «Гитлерюгенда», включая Аксмана и Кауфмана, с той же целью ездили в Италию и Францию, а 30 лидеров молодежи совершили многонедельную поездку в Японию. Всё это вызвало недовольство министерства иностранных дел.

В «Вилле унд Махт» появились свидетельства «неповиновения». В статье «О полноте власти фюрера» выдвигалось требование заменить лозунг «Ты должен!» на «Я хочу!», против чего протестовало внешнеполитическое /партийное/ ведомство А. Розенберга. Наверху копилось недовольство деятельностью журнала. Но даже поддержка заместителя фюрера по партии Р. Гесса не помогла Розенбергу закрыть журнал. В окружении Шираха посмеялись над упреками ведущего идеолога НСДАП в «создании подобия партии рядом с партией». В выпуске «О женщинах, любви и воспитании» утверждалось: «Прекрасное сильное поколение нельзя воспитать лишь в палаточном лагере. Однобокость никогда не ведет к совершенству... Нет никакого стыда, если человек женится на женщине, не имеющей светлых волос и требуемых голубых глаз». Журнал полемизировал с Гиммлером, побуждавшим молодых эсэсовцев зачинать для отечества детей вне брака. Эти спорные проблемы вызывали сомнения и у ряда высокопоставленных деятелей Рейха, но власть настаивала высокая концентрация таких материалов в «Вилле унд Махт».

Статья «Гитлерюгенд и церковь – можно ли перешагнуть пропасть?» вызвала недовольство Гитлера, однако это не помешало Г. Кауфману, проявлявшему самостоятельность в оценке различных сторон немецкой жизни, получить очередные повышения в молодежной структуре и в ведомстве прессы. Он упорно критиковал официальную политику в области кино, находившегося под контролем Геббельса, и часто получал от него строгие выговоры. Министр пропаганды терпел эту строптивость из-за мастерства, с которым Кауфман преподносил острые темы, создавая впечатление больших неиспользованных возможностей, заложенных в национал-социалистическом строе жизни. В 1937г. он стал также редактором официального органа Имперского руководства молодежи «Дас юнге Дойчланд». В немецких издательствах вышло много книг Кауфмана о воспитании молодежи в Рейхе.

Всё это не означало, однако, перехода в оппозицию. В «Вилле унд Махт» решительно выступали против нелегальных групп. Редакционная статья /конец 1938г./ писала: «Молодежные группировки сегодня – это большевизм. Моло-

дежь сидит на мягких подушках, попивая чай, и распевая русские песни... Пора прекратить эту государственную измену».

Назначенный в 1940г. имперским наместником в Вене, Бальдур фон Ширах сохранил должность рейхсляйтера /высшего партийного руководителя НСДАП/ по воспитанию германской молодежи, тогда как Артур Аксман возглавил имперское молодежное руководство /государственная структура/. Гюнтер Кауфман последовал за Ширахом в Вену, как его пресс-референт. Теперь он писал о «революционной» культурной политике шефа. Таким образом, этот термин, политически скомпрометированный Г. Штрассером и Ремом, сохранил свой смысл в более тонкой сфере культуры. Здесь фон Шираха предоставил возможность широкого самовыражения в рамках партийной доктрины, отличавшейся достаточной гибкостью в культурной области. К тому же Гитлер, внимательно наблюдавший за всеми явлениями в культуре, сохранил этот канал творческих поисков в знак неизменного уважения к гауляйтеру Вены с его исключительными организаторскими способностями и чутьем на одаренную молодежь. Все же временами возникали скандальные ситуации. Так, фюрер запретил открытую под покровительством Шираха выставку «Юное искусство в Вене», включившую «дегенеративные» полотна экспрессионистов.

Начало войны сотрудники «Вилле унд Махт» восприняли как катастрофу. Ширах повторял: «Я воспитываю молодежь для мира, а не для войны». К Рождеству 1939г. вышел номер журнала «Немец с Богом» с эпиграфом: «К любой сфере, а не только в вопросах религии, применимо изречение: «Не судите, да не судимы будете!». Как следствие этого «пацифизма», Кауфмана направили в пехоту простым солдатом, где он заработал Железный Крест первой степени и звание лейтенанта /1941-42гг./. Служа в элитной дивизии «Великая Германия», Кауфман пытался координировать выпуск своего журнала. В феврале 1940г., во время войны с Англией специальный номер, посвященный Шекспиру, обыгрывал «нордические» черты в личности и творчестве великого англичанина

В сентябре 1942г. журнал рассказал о созданном в Вене «Европейском молодежном союзе». После конференции руководители молодежи возродили распущенный после прихода к власти НСДАП «Стальной шлем». Объединенная борьба европейской молодежи на фронтах поглощала различия в их взглядах на послевоенное будущее Европы. Пафос борьбы против большевизма и вера в идеалы Новой Европы уже привели к формированию высоких боевых качеств у войсковых подразделений СС, в большинстве состоявших из молодежи разных стран /дивизии «Викинг», «Нордланд», «Валлония», «Шарлемань»/. Признав организационные успехи устроителей конгресса, Геббельс проявил недовольство тенденцией к растущей самостоятельности молодежных структур.

В середине войны «Вилле унд Махт» и лично Кауфман опубликовали самые смелые материалы, вызвав, наконец, серьезные санкции. В октябре 1942г. в журнале появилась статья о губительной политике Наполеона в России – «войне без сильной идеи и лозунгов, воодушевляющих идеалами подчиненные и принужденные к военной службе народы». Ранее военные репортажи Кауфмана показывали опустошительные последствия восточной политики Германии. В апреле 1943г. «Вилле унд Махт» – единственный орган в Рейхе – в специальном выпуске писал о «вечной России» /!/ и о воззвании генерала Власова к солдатам Красной Армии, запрещенном к публикации всем немецким газетам. В этом номере писатель русско-немецкого происхождения Эдвин Двингер утверждал: «Примитивное выпячивание господина всегда ошибочно». Командование сухопутных сил Германии перепечатало его статью «Русский человек – путь к преодолению большевизма» в своей газете «Информация для личного состава». Используя открывшуюся возможность, «Гитлерюгенд» создал в советской тыловой зоне 16-й немецкой армии «деревни немецко-русской дружбы», где вместе проводили отпуск русские гражданские лица, немецкие солдаты и добровольцы разных национальностей /«хиви»/.

В 1943г. шок вызвала статья Гюнтера Кауфмана «Вызывание духов», где он писал: «Народы не желают делиться на народы-господ и народы-рабы. Мы не хотим терпеть идеологов расизма... Немецкий народ соединил в своей крови кровь всех народов континента... Будущая Европа станет континентом одной большой семьи, в которой каждый сохранит своё, но никто не почувствует себя человеком второго сорта». Подобная статья могла появиться только при сочувственном отношении не обладавших смелостью автора достаточно крупных фигур в партийно-государственных ведомствах. Такие лица были в идеологическом ведомстве Розенберга, в СС и СД, а также в вооруженных силах и военно-промышленных кругах Германии, видевших, куда клонятся военные действия. Дело, однако, не объяснялось лишь поражением на фронтах. Ряд руководителей Третьего Рейха постоянно вел поиски лучших вариантов европейского континентального устройства.

Задолго до конца войны Гитлер говорил: «Для большого числа наших сторонников суть национал-социалистического Движения лежит не в букве наших лозунгов, а в гораздо большей степени – в сознании, которое мы в состоянии им привить». Еще в 30-е годы, объясняя гибкость в расовых вопросах при союзе с Японией, фюрер заявлял: «Идеи нашей программы не обязывают нас действовать подобно дуракам». Но попытки людей Розенберга смягчить оккупацию, доведя её до стадии сотрудничества на почве русской автономии, разбивались об убеждения фюрера в неполноценности славян. По этой причине генерал Власов не смог внушить доверия высших партийных инстанций к своим войсковым соединениям, хотя военное командование было готово к сотрудничеству. «Вели-

кая Россия» ни в каком виде не входила в планы Гитлера, но войска СС включали наряду с мусульманскими дивизиями и казачьими формированиями также русский полк «Витязь» и несколько других подразделений.

Хотя представления Кауфмана разделяли многие молодые офицеры СС и фронтовики «Гитлерюгенда», ход событий опрокидывал расчеты «реформаторов» в Рейхе. Часто выражалось мнение: «Когда мы вернемся домой после войны, то займемся основательной чисткой... с Гитлером против партии». В январе 1944г. партийный суд исключил Гюнтера Кауфмана из НСДАП. Но дисциплинарный процесс в высшем суде «Гитлерюгенда» не довели до конца, и документ об исключении из партии, автоматически лишивший офицерского звания, не дошел до кадровой службы армии. Полумеры против Кауфмана включали также трехгодичный запрет на работу в «Вилле унд Махт».

До закрытия в 1944г. журнал оставался средой молодых увлеченных национал-социалистов. Кауфман с товарищами в полном объеме использовали допустимую свободу в авторитарной Германии. «Вилле унд Махт» не призывал к свержению Гитлера. Его сотрудники не участвовали в Сопротивлении. Сражаясь на фронте, они не перебежали к врагу. Эта молодежь хотела реформировать систему, которой служила чиновниками и солдатами. Ведь и Гитлер сказал пред смертью Артуру Аксману: «Идеи живут дальше по собственным законам. Я думаю, что придет что-то совершенно новое». «Вилле унд Махт» не удалось увидеть «социальное государство высочайшей культуры». Из 11,5 тысяч молодежных руководителей погибли 9,5 тысяч. И среди них – многие сотрудники журнала.

Среди политических деятелей Рейха, пытавшихся обновить идеологию, были и те, чьей основательности и умелому практицизму отдавали должное на самом верху власти. Здесь выделялся один из руководителей Имперского министерства оккупированных территорий, член НСДАП с 1929г. Альфред Фрауенфельд. Вплоть до 1937г. он возглавлял гау Вены, будучи самым влиятельным национал-социалистом Австрии, а затем руководил Имперской палатой театров. В 1942г., после недолгого периода службы в МИД Фрауенфельда назначили генеральным комиссаром оккупированного Крыма. Статс-секретарь Имперского министерства внутренних дел, один из ведущих расовых теоретиков Вильгельм Штуккарт писал после войны: «Крым получил Фрауенфельда, который никогда не пресмыкался и ничего не просил, и которому я давно хотел дать что-то прекрасное».

С самого начала Фрауенфельд решил, что Крым, как составная часть Имперского комиссариата «Украина», не должен управляться варварскими методами Эриха Коха. Он придерживался неортодоксального мнения, что украинцы долж-

ны иметь высокообразованное национальное правительство. Практика управления оккупированными территориями показала явное преимущество мягких методов. В то время как в Ровно /резиденция Коха/ гражданских служащих-немцев убивали даже днем, в Крыму все было тихо. Фрауенфельд говорил, что он мог проехать по степи 200 километров без оружия и охраны. Министр вооружения Альберт Шпеер также утверждал, что первое время он ездил один через обширные украинские леса, но полгода спустя территория наводнилась партизанами.

Взаимная неприязнь Фрауенфельда и Коха не принесла пользы никому. Имперский комиссар Кох жаловался в партийный суд на Фрауенфельда, а тот на него – министру А. Розенбергу. Гитлер и Гиммлер прикрывали Коха, который открыто заявил в марте 1943г.: «Мы – народ-господин и должны править жестко, но справедливо... Самый последний немецкий рабочий в расовом и биологическом смысле в тысячи раз ценнее, чем местное население». Розенберг выпустил инструкции, запрещающие высказывания о расовом превосходстве и предписал достойно обращаться с украинцами, но Кох обходил его распоряжения. В Нюрнбергской тюрьме /1946г./ Альфред Розенберг писал: «Многие факты, приводимые на процессе, отражают борьбу за грандиозную концепцию восточной политики, имевшей целью включение народов Восточной Европы в судьбу целого континента – против примитивного образа мысли, не осознающего этой масштабности».

Теоретически Фрауенфельд выглядел победителем в споре с Эрихом Кохом. В 1944г. он подготовил для Гитлера Памятную записку «О проблеме управления оккупированными территориями», с копиями Розенбергу, Геббельсу, Герингу и Штуккарту. Фрауенфельд писал: «Украинцы, три четверти из 40 млн. которых попали под управление немецкой администрации, с ликованием встретили германских солдат, как освободителей от ненавистного ига большевизма, и оказали им высокое доверие. Но это доверие подрывалось неправильным обращением, и показательно, что всего за год этот абсолютно дружественный Германии народ вынужден уйти в леса... Огромная глупость и близорукость думать, что оккупированную область можно эксплуатировать, если оглупить население и создать ему невыносимые условия. История всех колониальных стран учит, что они не являются странами сказочных богатств, из которых можно без усилий черпать прибыль. Наоборот, они требуют огромных затрат денег и труда; но потом принесут проценты на вложенный труд, намного превышающий усилия метрополии... Курс беспощадной жестокости, способы обращения с местным населением, подобные применявшимся в прошлом столетии по отношению к цветным рабам, приведет к катастрофе... Лишение жизни даже одного человека, не вызванное высшей необходимостью, является убийством... виновных в таких действиях история называет чудовищами и неудачниками».

Геббельс нашел ужасной эту записку: «В ней перечислено так много прегрешений, ответственность за которые лежит на режиме Коха, что волосы встают дыбом». Однако для практического осуществления предложений Фрауенфельда уже не было времени. Крым покидали. В начале 1945 года из канцелярии влиятельного Мартина Бормана сообщили автору, что «в будущем занятые восточные территории будут управляться Вами, по Вашим идеям и подобранными Вами людьми».

На Нюрнбергском процессе заместитель главного обвинителя от США Кемпнер сказал о Записке Фрауенфельда: «Я нигде не читал, чтобы кто-то осмелился вести с Гитлером подобные речи». Если кто-то на процессе говорил, что Фюреру нельзя было противоречить, то Кемпнер зачитывал целые страницы из этой Записки. В январе 1947г. Фрауенфельда приговорили к пятнадцати годам тюрьмы, но затем в Германии уменьшили срок как «менее виновному», и уже через год выпустили на свободу.

В соответствии с континентальной стратегией Гитлера оккупационная политика в западных странах велась несравненно более мягкими методами, и эффективного сопротивления немецким войскам там фактически не было до высадки союзников в Европе. Убедителен пример Франции. Пьер Дриле ля Рошель в книге «Фашистский итог» /июль 1944г./ утверждал: «Сначала Франция ожидала от национал-социализма насилия, затем большого обновления». Немецкий посол во Франции Отто Абетц хотел стать движущей силой такого обновления. Подобные ожидания основывались у французов на европейских традициях, культивируемых консерваторами разных стран. Но даже сочувствовавшие коммунизму лица с мировым весом надеялись на лучшее будущее. Ромен Роллан писал в это время: «Германия и Франция – два крыла Запада. Если одно подбито, это мешает второму». Крупный физик-ядерщик Фредерик Жолио-Кюри во время оккупации предоставил немецким ученым свои лаборатории и весь персонал для атомных исследований военного характера, в которых сам добровольно участвовал.

О. Абетц /1903г.р./ за несколько лет до прихода к власти национал-социалистов стал энергичным защитником германо-французского взаимопонимания. Летом 1930г. по его приглашению около ста представителей молодежных и студенческих организаций обеих стран собрались в Германии. Позднее прошли еще две такие встречи. На одной из них было образовано подобие интернационала против собственных внутренних врагов. «Патриотические немцы» и «патриотические французы» объединились для отражения угрозы, исходящей от империалистических кругов, влекущих Европу к разъединению на противостоящие военно-политические блоки. В 1934г. состоялась новая франко-германская встреча в Берлине, организованная «Гитлерюгендом». Тогда Абетц

отметил, что «вожди германской молодежи во многих вопросах казались не такими твердолобыми, как многие партайгеноссе старшего поколения». Отто Абетц вскоре возглавил отдел Франции в «Гитлерюгенде». Увеличилось число взаимных визитов и личные контакты молодежи. Вскоре Абетц попытался примирить союзы фронтовиков обеих стран.

В это время Риббентроп создал во внешнеполитическом бюро НСДАП подобие конкурирующей организации по отношению к негибкой дипломатии старой школы имперского министра фон Нейрата. Рабочий штаб Риббентропа, трудившийся без бюрократии, признавая лишь инициативу и успех, Абетц называл «мозговым трестом». Вскоре Риббентроп назначил его своим референтом по Франции, а, став министром иностранных дел, поддерживал усилия дипломатов по взаимопониманию двух народов.

В ноябре 1934г. Гитлер принял делегацию французских фронтовиков в Берлине, но через три года началась травля «франкофила» Абетца, инициированная СС и частью руководства студенческим движением Рейха. Служба безопасности «вскрыла» некоторых его сотрудников, породненных с «неарийцами», установив «проникновение пробольшевистских идей в команду Абетца». В суде он доказал несправедливость всех обвинений. Судебное постановление отметило, что Абетц «отлично работает референтом и приносит пользу германскому Рейху». За полгода он получил четыре повышения по службе и, будучи членом партии с 1937г., сделал быструю карьеру в СС. В декабре 1938г. О. Абетц был членом официальной делегации Германии при подписании парижского договора о дружбе. Затем он написал работу «Попытка наладить взаимопонимание между народами», в которой предвидел «войну без ненависти» между двумя странами. Незадолго до капитуляции Франции Абетца назначили посланником в Париже. Его сторонниками были знатоки Франции: профессора Ф. Гримм и Р. Шлейер, известный публицист Ф. Зибург и доктор Карл Эптинг. Все они считались «либералами».

Следует отметить, что Гитлер с известным тактом относился к французским проблемам. Чтобы не унижать «родственную по происхождению» нацию, он отказался от парада победы в Париже и не требовал от французов вступления в войну против Англии. Фюрер допускал значительную самостоятельность в культурной жизни Франции. Став послом, Отто Абетц говорил: «Сегодня Германия стоит перед более или менее объединенным фронтом католицизма, протестантизма, семитизма, масонства, крупного капитала, демократии и коммунизма. Единственным шансом на порыв этого фронта является установление подлинного и радикального взаимопонимания с Францией». Взаимопонимание посол понимал шире, чем предписывал официальный курс, планировавший сохранить немецкую гегемонию в Европе и в послевоенный период. К тому же фюрер по-

нимал, что любую конфедерацию, составленную из разнородных этносов, ожидали неминуемые раздоры и разложение. В конце войны было уже не до поисков наилучшего европейского устройства, а для Гитлера исторические детали теряли смысл, когда рушились основные идеи его Движения.

Но в первый период оккупации Франции простор для поисков казался открытым таким энтузиастам как Отто Абетц. Для ускорения планов установления «нового порядка» в Европе Абетц часто встречался в Париже с лидером бельгийских фашистов Леоном Дегрелем, еще с 1936г. поддерживая его идею о создании, наряду с обновленной Францией, «Великой Бургундии» – двух опор новой Европы. Где-то была грань между наивностью и сознательным сопротивлением планам Гитлера. И то и другое совмещал опыт Франции, иногда в одном лице. Но с быстротекущим имперским временем эта грань обнажалась.

Личная позиция Абетца в акциях оккупационных властей была противоречивой. Известен «список Отто Абетца» об изъятии запрещенной литературы. При его участии многие произведения искусства переправлялись в Рейх. После первых убийств немецких офицеров он не протестовал против расстрелов подозреваемых французов и содействовал высылке евреев из Франции. Но в 1942г. Абетц высказал Гитлеру претензии к оккупационной политике. В ответ фюрер призвал посла проявить больше твердости, предупреждая об опасности «политики чувств». Он сказал Геббельсу: «В Париже мы получили второе правительство. По-моему Абетц сильнее, чем нужно, настроен на сотрудничество. После Рождества и до конца 1943г. Отто Абетца отзывали из Парижа. Затем он вернулся с заданием от Гитлера укрепить позиции главы коллаборационистского правительства Лавалья в интересах Германии, /там шла борьба фракций/.

В завершающий период оккупации Абетц пытался действовать самостоятельно. Он сократил список Риббентропа на высылку из Франции потенциально опасных лиц с двух тысяч до нескольких человек, из которых арестовали лишь двоих за явную связь с Сопротивлением. Абетц протестовал против массовой отправки французских рабочих в Рейх. Во время июльского заговора 1944г. против Гитлера он занял сторону руководства СС, на короткое время арестованного руководством оккупационных войск. Не доказано, имел ли Абетц контакты с участниками заговора, хотя его близость к военному руководству Парижа вызывала подозрения. Перед окончательным отъездом посла из Франции он вместе с военным комендантом Парижа генералом Хольтицем отказался выполнить приказ о разрушении города.

В октябре 1945г. Отто Абетца арестовали в Южном Бадене и три с половиной года продержали в полной изоляции. Затем суд приговорил его к 20-ти годам принудительных работ. В заключительной речи он подтвердил свою верность

Германии. В 1954г. его освободили, а через четыре года Абетц вместе с женой погиб в автокатастрофе, очевидно подстроенной сионистами.

Умеренно оппозиционный путь от начала до конца Рейха прошел обер-бургомистр Штутгарта Карл Штрёлин. Он был одним из нескольких глав городов, сохранивших собственное политическое направление и взгляды, и расценивавших ответственность за своё население выше следования партийным догмам /в числе других: Ф. Кребс из Франкфурта, Карл Крогман из Гамбурга... /. Участник Первой мировой войны, Штрёлин служил затем в военной полиции. Как председатель военно-полевого суда Добровольческого корпуса, свергнувшего советскую республику в Мюнхене, он приговорил к смерти 52 иностранных члена Совета рабочих и солдатских депутатов. С середины 1920г. Штрёлин изучал общественно-политические науки в Вене под руководством видного социолога Отмара Шпанна /1878-1950/. Впоследствии национал-социалисты, ставившие себе в заслугу ликвидацию классовых перегородок, резко критиковали Шпанна за его теорию «сословного государства» и либеральные мотивы в научных работах. После 1938г. ученого на много месяцев заключали в концлагерь Дахау, а затем запретили преподавать в вузах.

Штрёлин, как и его учитель, разделял националистические настроения и в конце 1923г. фактически, а с1930г. формально вступил в НСДАП. В мае 1933г. он стал обер-бургомистром Штутгарта, подчиняясь по партийной линии гауляйтеру земли Вюртемберг Вильгельму Мурру, ставшему его постоянным противником. Штрёлин, отвергавший безответственную парламентскую систему, приведшую к хаосу в Германии, радикально обновил общественно-политическую жизнь Штутгарта. Он провел глубокую реформу конституционных прав общины и полную деполитизацию на основе профессиональных сословий. Это соответствовало главной экономической идее национал-социализма. Несмотря на влияние учителя, Штрёлин, однако, отказался от иерархического разделения сословий в духе О. Шпанна, что было бы неприемлемо для НСДАП. Обер-бургомистр уволил политически неблагонадежных чиновников и ввел в ратуше авторитарный стиль руководства. Такое поведение отличало критиков сложившейся политической практики. Занимая властные позиции, каждый из них использовал все преимущества принципа фюрерства, пытаясь сочетать новые методы управления с собственными идеями.

Советы общин при Штрёлине уже не выбирались жителями, а назначались партией при согласии обер-бургомистра и имели лишь совещательный голос. К. Штрёлин устранил безработицу, строил жилье и развивал город. Стиль его работы был непривычным для того времени. Он неожиданно появлялся в городских учреждениях и лично следил за порядком. Обер-бургомистр противился усилиям В. Мурра поставить под партийный контроль все его действия, прибе-

гая к записанному в уставе германских общин праву на самостоятельность муниципального управления. В 1933г. Штрёлина, представлявшего Германию на лондонской конференции по долгам, назвали «странными наци» за подчеркнутую самостоятельность поведения.

Уникальной сферой деятельности обер-бургомистра стали международные отношения. Штутгарт был «городом иностранцев». С 1917г. здесь находился Германский иностранный институт, опекаемый Рудольфом Гессом и шефом партийного Управления зарубежными немцами /«фольксдойче»/ Э.-В. Боле. Штрёлин был председателем Института и руководил ежегодными съездами фольксдойче. С 1938г. он стал членом Имперского руководства НСДАП по муниципальной политике и в рамках своих возможностей проводил «внешнюю политику» на мирное улаживание конфликтов /этнических немцев преследовали в ряде зарубежных стран, прежде всего, в Чехословакии и Польше/, особенно стремясь наладить отношения с Францией.

Взгляды Карла Штрёлина в первый период мировой войны /сентябрь 1942г./ характеризует его высказывание: «Очень жаль, что весь мир воюет против Германии, потому что национал-социализм – понятный всем синтез развитого капитализма и большевизма». Теоретическое объединение разнородных общественных типов в одну политическую систему, было типичным для «левых» национал-социалистов. Неопределенность и несмылаемая романтическая окраска подобных идей, так и не достигших окончательного прояснения, не особенно беспокоили партийное руководство даже во время войны с СССР.

Штрёлин все же предпринимал определенные действия, вытекавшие из его нестандартных взглядов. В 1941г. и позднее он препятствовал клеймению евреев в своем городе и помогал желающим выехать из Рейха, а также пытался пресечь эксцессы в концлагерях. В противовес гауляйтеру Мурру он активно пропагандировал евангелическую церковь, за что получил партийный выговор в начале 1943г. После первых опустошительных бомбардировок германских городов союзниками Штрёлин стал сомневаться в правильности политики Гитлера и в целях национал-социализма вообще. Как большинство «инакомыслящих», вплоть до заговорщиков – Штауфенберга и Роммеля, он собирался лояльно служить Германии лишь в победоносную пору. В августе 1943г. Карл Штрёлин отправил Памятную записку в Имперское министерство внутренних дел с изложением концепции изменения внутренней и внешней политики Рейха. За осторожное предложение ограничить национал-социалистическое влияние на органы управления, прежде всего, в муниципальной сфере, он получил строгое предупреждение и намек на возможное начало суда над ним.

В январе 1944г. Гитлер освободил Карла Штрёлина от работы в Имперском руководстве НСДАП, оставив его руководить Штутгартом. Обер-бургомистр записал в дневнике: «При вступлении в партию я ожидал, что национальный социализм создаст условия для политического, экономического и морального оздоровления нашего народа и для мирного сосуществования с другими народами мира». Штрёлин уже готовился к переходу в новое время, предвидя конец строя, которому обязывался служить. Ссылки на непонимание глубины и политического объема национал-социализма обнаруживают легкомыслие в расчетах и порождают сомнения в мотивах деятельности подобных лиц.

В послевоенной книге «Патриоты или изменники» Штрёлин писал о координации своей деятельности с Карлом Герделером – одним из главных обвиняемых в заговоре против Гитлера и о контактах с подозреваемым в измене фельдмаршалом Роммелем. Однако этот факт не нашел достаточного подтверждения. Зато известно, что 10 августа 1944г. Штрёлин выразил по радио «глубокое потрясение вероломным покушением на фюрера... Весь немецкий народ, и, в первую очередь, вермахт питают отвращение к этим предателям... и верят, что наш фюрер один сумеет провести немецкий народ сквозь опасности настоящего времени к лучшему будущему».

В Нюрнберге Карла Штрёлина причислили к разряду «наименее виновных». После войны он продолжал считать себя национал-социалистом, пытаясь оправдать прошлую деятельность и контактируя с правыми политиками, для которых написал несколько работ; основал союз фронтовиков в Вюртемберге и умер в 1962г. в возрасте 72 года.

Из обзора всех типов оппозиции и разнообразных персоналий следуют ясные выводы:

– все оппозиционеры, от искренних «реформаторов» до прямых изменников открыто не переходили определенной границы, когда речь заходила об исключительности Гитлера и его монопольном праве на власть;

– посягательства на ведущую роль партии, в окончательном виде созданной Гитлером, не имели авторитетных исполнителей. Обреченные на провал, они и в случае успеха грозили ввергнуть Германию в унижение и слабость, какие она имела при демократической власти, когда внутренних свобод было множество, а внешних – ни одной;

– если бы фюрер дал возможность укрепиться оппозиционным тенденциям в партии, уникальное социальное государство, организованное им, перестало бы существовать;

– наконец, поиски обновления допустимо было вести в русле, близком к первоначальной Программе из 25-ти пунктов – лаконичной и оставляющей простор для творчества. Усилия в этом направлении умных «оппозиционеров», /например, Фрауенфельда, Кауфмана, Абетца/, постепенно приносили плоды.

Всё решил недостаток времени. Двенадцать лет правления национал-социалистов по глубине преобразований и значительности событий составили целую историческую эпоху, значение которой далеко выходит за пределы 1933-45 годов. В этой связи необходимо объективнее и глубже оценить личность Гитлера, чем это принято в популярной и околонуточной литературе. Начав свою «революцию» до 1933г., он был вынужден долго считаться с государственной, экономической, дипломатической и военной элитой. Многие из её представителей вступили затем в НСДАП, но не прониклись национал-социалистическими идеями. После 1933 года армия будущих «оппортунистов» из разных слоев общества вошла в партию Гитлера, руководство которой никогда радикально не ограничивало вступление в неё. Чем выше был их социальный статус, тем больше скептицизма сохраняли они в душе, и нестойкие убеждения этих «попутчиков» ломались при потрясениях, сопровождавших короткую историю Рейха. Поэтому их путь не может служить опровержением идей национал-социализма, заслужившего критику по другим основаниям.

По выражению современного немецкого исследователя Г.-В. Зандера сам Гитлер был «многослойным человеком». Наряду с удивительными способностями и познаниями он отличался глубокими заблуждениями, вылившимися во всеобщую катастрофу. Первые шесть лет правления фюрера отмечены большими успехами во внутренней и внешней политике. За это время Гитлер вывел Германию из деморализации и разрухи, превратив её в социальное государство, почти лишённое «классовых» противоречий, и в мировую державу, далеко превзошедшую мечты Бисмарка и Вильгельма II.

III Рейх стал экспериментом по установлению мирового порядка, но рухнул сам. Это была попытка устранить кризис современного мира одновременно ошибочными и верными средствами. Закономерно то, что национал-социализм был побежден не изнутри, а в результате войны. Фюрер не был ни сверхчеловеком, ни диким зверем, как его представляли друзья и враги. Он образцово решал многие задачи, но их избыток сломило Гитлера, подсказав ему роковые решения.

Внутренние события сыграли роль в цепи злоключений национал-социализма. Невозможно было изменить в короткий срок все слои немецкого общества. Наиболее податливым к радикальным изменениям оказался простой народ. Благодаря ему немецкое общество до конца войны сохранило монолитную основу в рамках системы, созданной Гитлером. И это несмотря на традиционный скепти-

цизм верхних слоев к революционному повороту, осуществленному фюрером и его партией. Недовольство военных росло по мере обострения обстановки на фронтах, что привело к концу войны нескольких высших генералов и генерал-фельдмаршалов к участию в заговоре против Гитлера. Церковь, особенно католическая, была недовольна поисками самостоятельной религии в ведомствах Розенберга и Гимmlера. Аристократия, прежде всего прусская, сожалела об упущенных возможностях союза с СССР. Финансово-промышленные круги, вели себя достаточно лояльно, но ряд их видных представителей /Тиссен, Шахт... / сохранили подозрительные связи с американо-английскими корпорациями даже во время войны.

Однако в отличие от Гитлера ни один из его противников и ни одна соперничавшая группа за всё время существования НСДАП, как в «период борьбы», так и находясь у власти, не имели программы с ясно обозначенными национальными целями. Фантастические левые идеи и провалившаяся европейская демократия не могли стать основой национального мировоззрения, решавшего судьбу Германии. Многие «идеалисты» превратились в предателей в ходе мировой войны. Все эти лица были готовы разделить с фюрером политические и военные успехи, но отступались от него при крупных неудачах. Они преследовали собственные, часто корыстные цели, не считаясь с будущим своего народа, тогда как чудовищные унижения и беды Германии, преодоленные не их волей, давно были ими забыты.

Постепенно рушились надежды на мир в Европе, при котором все оппозиционные слои теряли почву. Непоправимой ошибкой Адольфа Гитлера стало нападение на Советский Союз и война на два фронта. К союзу с Россией склонялись видные политики, немецкие военные и дипломаты. Геринг, Риббентроп, Геббельс и Борман с разной степенью ясности понимали, что с точки зрения германских интересов имело смысл заключение долгосрочного мира с Россией и последующее перерождение русофобского большевизма в национальную сторону. Однако фюрер выбрал ошибочную стратегию, позволив англичанам в начале июня 1940г. эвакуировать уже обреченный 300-х тысячный корпус через Ламанш. Тем самым он подтвердил намерение в определенный момент переключить острие военных действий Германии на Восток. После первой серии побед на советском фронте наступило равновесие сил, а затем, к радости «союзников», немецкие войска увязли в сражениях и, наконец, Германию вынудили отступить по всему фронту. Расовая пропаганда против славян и русского народа в особенности привела к тому, что Сталин высоко поднял русское знамя, с которым и победили Германию. Биологическая догма о превосходстве немцев даже над родственными народами сыграла роковую роль.

Но война в пределах Западной Европы, даже с участием США, не была безнадежной. Военно-экономическая автаркия в пределах Новой Европы могла успешно противостоять намечавшимся американским притязаниям на мировое господство с помощью национальной революционной армии европейского типа, для которой европейские войска СС оказались слишком поздней заменой, не сумевшей нарастить достаточную боевую мощь. Ошибкой был отказ своевременно принять миллионы людей разных национальностей, желавших воевать на стороне Германии из-за вызывающей позиции господства над людьми.

После окончания Второй мировой войны ведущие финансисты и промышленники, богатевшие на производстве вооружения, сумели уйти от ответственности, переложив её целиком на политиков. Но даже пристрастные представители союзников понимали проблему вины глубже, чем она отражена в судебном приговоре над руководителями III Рейха. Главный обвинитель от США Роберт Джексон назвал вдохновителя военных приготовлений Германии Ялмара Шахта самой омерзительной личностью среди подсудимых. Близкую точку зрения на этого человека высказали французский и английский судьи на Нюрнбергском процессе. Однако Шахт, державшийся в суде с вызывающей дерзостью, был оправдан по всем статьям с помощью масонских друзей из США и Англии. Он обрел свободу, тогда как менее виновные лица из руководства Германии поплатились длительными сроками заключения или были казнены.

Свершилось буржуазное правосудие, и всё вернулось на круги своя. Глубокие идеи социального государства и Великоимперской Объединенной Европы рухнули, и на их обломках вновь утвердились лживые буржуазные порядки, хранящие силы, всегда готовые организовать новую тотальную войну во имя господства финансовой плутократии над народами Европы и мира.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Велесова Слобода, 2008 г.